
Нора Арт
Временные провалы:
История Эвелины Морган

Нора Арт

Временные провалы: История Эвелины Морган

«Автор»
2026

Арт Н.

Временные провалы: История Эвелины Морган / Н. Арт — «Автор», 2026

Лора и Эвелин встречаются у дверей старого дома — и обнаруживают, что стоят по разные стороны трещины во времени. Правда о пропаже Эвелин и трагедии её семьи переворачивает их мир. Смогут ли они разгадать тайну и изменить ход событий, пока время окончательно не стёрло их следы?

© Арт Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Неожиданная встреча. 5
Новый странный мир. 15
Первый день в новом времени. 25
Неожиданные открытия. 33
Шкаф. Шериф и новые идеи. 39
"Пыль в глаза." 47
Свет, камера, мотор! 55
Легенда. 62
Аррон 70
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Нора Арт
Временные провалы:
История Эвелины Морган

Неожиданная встреча.

Все персонажи в место действия в истории являются вымышленными и любые совпадения с реальными людьми или локациями случайны.

Солнце ещё держалось высоко, но длинные тени уже стелились по склону холма, будто пытались дотянуться до покосившихся ворот. За ними тянулась заросшая аллея: когда то тут были ровные дорожки, а теперь между камнями пробивалась высокая трава, и тонкие ветки шиповника цеплялись за всё подряд.

Сам особняк стоял, будто застывший в неловком наклоне. Кое где кирпичная кладка потемнела от времени, местами и вовсе раскрошилась, обнажая слои разных эпох — будто дом не один раз перестраивали, а потом бросили на полпути. Окна смотрели на Лору пустыми проёмами, и только в одном, на втором этаже, ещё дрожал тот самый неясный свет — то ли отблеск солнца в старом стекле, то ли что то другое, чему она не хотела пока подыскивать объяснение.

Воздух здесь был непривычно густой и тихий — такой, когда даже собственные шаги звучат громче, чем должны. Пахло сухой листвой, пылью и чуть чуть сыростью, будто за толстыми стенами давно не открывали окон. Где то высоко каркнула ворона, и звук прокатился по пустому двору, подчёркивая, насколько тут всё чужое и застывшее.

Лора Фергюс, восемнадцатилетняя, с рыжими волосами, подстриженными в аккуратное каре, катила велосипед вверх по холму. Велосипед предательски поскрипывал, будто ворчал на крутой подъём, а Лора только усмехалась: она любила эту старую железяку за то, что та не сдавалась. На ней была простая белая футболка, короткие джинсовые шорты и кроссовки — одежда, в которой удобно мчаться по тропинкам и не думать о том, как выглядишь. В заднем кармане шорт лежал телефон — привычный якорь в любом приключении.

Когда она подъехала к полуразвалившимся воротам, велосипед снова жалобно скрипнул, и этот звук странно слился с тишиной вокруг — будто даже старый металл здесь звучал чуть иначе, глуше и тяжелее. Ещё было светло, но тень от особняка уже накрывала двор, и от этого контраст казался резче: яркий день снаружи и тёмная пасть входа.

— Да, да, — крикнула она, подходя ближе к дому, — я вас видела, можете не прятаться.

Но в ответ — тишина.

— Очень смешно, — продолжила Лора. — Выходите, и мы все вместе посмеёмся, как вы меня разыграли. Кристина, Салли!

И тут, будто только теперь, когда её голос прозвучал прямо у порога, входная дверь скрипнула — так громко и натужно, словно не привыкла к тому, что кто то решается её потревожить. Скрип прозвучал особенно резко на фоне этой густой тишины, будто дом сам нехотя приоткрыл завесу.

— Вот вы где! — обрадовалась Лора. — Салли, Кристина, выходите!

Но вместо её подруг в тёмном проёме показалась девушка, которую Лора точно никогда раньше не видела.

Девушка стояла в проёме спокойно, будто появление незнакомки у порога было самой обычной вещью. Тёмные длинные волосы свободно ниспадали на плечи, обрамляя лицо с тон-

кими, чуть строгими чертами. На ней было длинное зелёное платье, модное в начале двадцатого века: ткань мягко ложилась складками, подчёркивая осанку, в которой чувствовалось воспитание и привычка держаться прямо. Туфли той эпохи смотрелись непривычно рядом с современными кроссовками Лоры, но в них была своя изящная тяжесть, будто они знали каждый камень этого дома.

— Простите, — сказала девушка, — тут таких нет. Мы с семьёй уже давно проживаем в этом доме, и эти имена я слышу впервые.

Лора чуть нахмурилась, услышав спокойный, будто отрешённый голос, и подалась вперёд, всматриваясь в силуэт в проёме.

— Простите, — повторила девушка, и в её интонации не было ни испуга, ни тревоги, только лёгкая, почти домашняя строгость. — Как я уже сказала ранее, тут таких нет. Мы с семьёй уже давно проживаем в этом доме, и эти имена я слышу впервые.

Лора невольно усмехнулась, будто пыталась сбросить странное ощущение, что мир вокруг чуть чуть сдвинулся.

— Да ладно, — пробормотала она, прислоняя велосипед к покосившейся ограде. — Они вечно прячутся, когда я приезжаю. Может, вы их просто не заметили? Кристина, Салли! — крикнула она ещё раз, но тишина только плотнее обняла двор, проглотив её голос.

Эвелин чуть наклонила голову, рассматривая Лору так, будто видела не девушку, а какой то непривычный узор. Её взгляд скользнул по белой футболке, по коротким шортам, по кроссовкам, задержался на странном предмете, который Лора машинально вытащила из кармана и тут же сунула обратно, будто пряча якорь в привычный мир.

— Вы… — тихо произнесла Эвелин, подбирая слова, — вы не из наших мест? Уж больно… необычно выглядите. Может, из за границы приехали?

Лора хмыкнула, не понимая, всерьёз ли это спрашивают.

— Из за границы? Да нет, я тут живу, в тридцати минутах отсюда. Просто… сейчас все так ходят. Ну, или чуть иначе. Зависит от погоды и времени года.

Она сказала это буднично, как говорят о чём то само собой разумеющемся, и только потом вдруг зацепилась за слова Эвелин: «Мы с семьёй уже давно тут проживаем». И платье. И причёска. И то, как тихо и темно в доме, будто внутри не живут, а хранят что то под замком.

Лора медленно подняла взгляд на девушку.

— Подождите… — она чуть запнулась, подбирая тон, чтобы не напугать незнакомку. — А… когда вы сюда переехали? Ну, я просто… этот дом уже лет сто как пустой стоит. Его даже обходить стали — говорят, тут… ну, всякое рассказывают.

Эвелин чуть нахмурилась, будто не поняла вопроса. Она не придала значения фразе «уже лет сто как пустой стоит».

— Переехали? — переспросила она. — Мы здесь всегда жили. Отец купил этот дом ещё до моего рождения.

Лора хотела было возразить, сказать, что такого не может быть, но вдруг заметила, как спокойно и прямо смотрит на неё Эвелин — без страха, без хитрости, просто как человек, который говорит то, что считает правдой. И Лора осеклась.

— Ладно, — выдохнула она, стараясь звучать нормально. — Наверное, это какой то розыгрыш. Меня, кстати, Лора зовут. Лора Фергюс.

— Эвелин, — чуть склонив голову, ответила девушка, и в этом жесте было что то старомодное, почти церемонное. — Эвелин Морган.

Лора кивнула, запоминая имя, и вдруг почувствовала, как в груди шевелится не страх, а азарт — тот самый, от которого хочется идти вперёд, даже если не знаешь, куда ведёт дорога. Она ещё не делала выводов, не называла Эвелин ни призраком, ни гостьей из прошлого, потому что девушка стояла перед ней живая, тёплая, настоящая. И пугать её Лора не хотела. Но сопоставить факты она уже начала.

Эвелин смотрела на странную девушку, стоящую перед ней, и в груди у неё всё сжималось от неловкости и какой то смутной тревоги. Ей казалось, что если она просто скажет правильные слова, то мир снова встанет на место.

— Вы меня извините, но это частная собственность. И мне кажется, вам пора уходить, — произнесла Эвелин твёрже, чем чувствовала на самом деле. — До свидания.

Она потянула на себя тяжёлую скрипучую дверь, будто надеялась, что этот привычный, родной скрип вернёт всё как было. Лора хотела что то сказать — Эвелин видела, как приоткрылись её губы, как в глазах мелькнуло удивление, — но дверь уже закрылась, отрезав слова.

Закрыв дверь, Эвелин осталась в пустоте тёмного дома. Свет не горел, камин был потушен, угли давно остыли. Штукатурка на стенах облупилась, обнажая неровные слои кирпичной кладки, а пыль лежала на полу тонкими серыми дорожками, будто её не тревожили годами. Дом выглядел заброшенным — не просто пустым, а будто забытым временем.

Но как так? Эвелин не могла поверить. Всего несколько минут назад в доме был свет, в столовой накрывали к чаю, отец сидел в кабинете, а мама тихо напевала себе под нос, расставляя чашки. Люди были здесь — её люди. Но стоило ей открыть дверь, увидеть эту странно одетую девушку, и её привычный мир будто стёрся одним неловким движением.

«Если я снова открою дверь, может, всё вернётся, — подумала она, и эта мысль была одновременно отчаянной и до смешного простой. — Я снова буду дома».

Собравшись с духом, она решилась. Эвелин резко схватилась за холодную ручку и рывком распахнула дверь. Та по прежнему протестующе скрипнула, будто не хотела пускать её обратно в тот мир, который она только что потеряла.

На пороге, там же, где и была, стояла Лора. Только теперь она стояла спиной к двери, держа в руке ту самую странную светящуюся коробочку. Пальцы её быстро скользили по гладкой поверхности, будто она нажимала на невидимые кнопки. В этом движении было что то до боли привычное и будничное — и оттого ещё более чуждое этому старому, застывшему дому.

Стоило Лоре только повернуться на скрип двери, как Эвелин, не раздумывая, снова захлопнула створку. Мрак тут же сомкнулся вокруг неё, плотный и глухой, отрезая её и от улицы, и от девушки с непонятной коробочкой, и от всего, что там происходило.

Снова оказавшись во мраке тёмного дома, Эвелин прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол. Холод дерева пробирался сквозь ткань платья, но она почти не замечала его. Она сидела, обхватив колени, и не понимала, что произошло. В тишине было слышно только, как гулко стучит её сердце, да где то в углу тихо шуршал, наверное, мышонок — или ей просто хотелось думать, что это обычный, привычный звук, а не что то новое и чужое.

Слёзы подступали к глазам, но Эвелин упрямо их сдерживала.

«Это просто дурной сон, — шептала она про себя. — Сейчас я посижу минуту, и всё станет как прежде: зажжётся лампа в коридоре, мама выйдет в переднюю, спросит, почему я сижу на полу, и поведёт меня пить чай…»

Но дом молчал. Он был не просто тихим — он был пустым. И это молчание ощущалось физически, как холод, который пробирался сквозь платье и оседал где то под рёбрами.

И тут снаружи раздался тихий, но отчётливый звук — не скрип, а лёгкий стук костяшками пальцев по старой древесине.

— Эй… — голос Лоры прозвучал негромко, но очень ясно, будто она старалась не напугать, а просто напомнить, что она всё ещё там. — Ты в порядке? Я слышала, как что то упало… Или это дверь хлопнула? Если тебе просто хочется побыть одной — я отойду, честно. Но если вдруг… ну, если там внутри что то не так — скажи, ладно?

Эвелин замерла, прижимаясь затылком к холодной поверхности двери. Ей хотелось закричать: «Уходите! Оставьте меня в покое, пусть всё снова станет как было!» — но вместо этого губы сами прошептали совсем другое:

— Не уходите… — сказала она тихо, почти неслышно, будто боялась, что если скажет громче, то звук разобьёт и без того хрупкий мир. — Пожалуйста, не уходите.

За дверью на секунду повисла тишина, и Эвелин уже успела подумать, что Лора всё таки ушла, решив, что с этой странной девушкой из старого дома лучше не связываться. Но потом раздался тихий вздох, а следом — спокойный, чуть хрипловатый от ветра голос:

— Я тут. Стою. Смотрю на эту дурацкую дверь и думаю, что, наверное, впервые в жизни не знаю, что делать. Но уходить не буду. Если хочешь, можем просто молчать. Или… если тебе хочется рассказать хоть что нибудь — я слушаю. Даже если это будет про то, какой сегодня день.

Эвелин закрыла глаза. Слова Лоры не возвращали ей ни света, ни голосов родных, но они делали темноту чуть менее страшной. Будто если кто то снаружи всё ещё говорит с ней, значит, мир не рассыпался окончательно.

Она медленно подняла руку и осторожно провела пальцами по шероховатой поверхности двери — как будто пыталась на ощупь найти ту самую границу, где кончается её дом и начинается чужой мир. И тихо, так, чтобы голос не дрожал, ответила:

— Сегодня двадцать третье октября. Тысяча девятьсот пятнадцатого года. И… раньше здесь всегда был свет.

Лора не стала спорить, не стала смеяться и не стала говорить: «Да ладно, ты шутишь». Вместо этого она просто тихо сказала:

— А у меня сегодня тоже двадцать третье. Только… две тысячи двадцать шестой. И тут всё ещё светло.

На этот раз тишина между ними была уже не глухой, а какой то другой — будто в ней можно было дышать.

Лора не стала подходить ближе к двери, не стала стучать снова. Просто села на нижнюю ступеньку, подтянула колени к груди и посмотрела на тёмную, тяжёлую дверь так, будто пыталась разглядеть сквозь неё хоть что то.

— Знаешь… — тихо сказала она, скорее чтобы просто разорвать эту давящую тишину, — я тут тоже немного растерялась. Честно. Я приехала, думала: сейчас мы с девчонками будем смеяться, есть чипсы, может, снимем какой нибудь дурацкий ролик… А вместо этого сижу тут и разговариваю с дверью.

Она чуть улыбнулась, хотя улыбаться совсем не хотелось.

— Если хочешь, можешь вообще ничего не говорить. Или можешь рассказать про свой дом. Про тот, который был раньше. Про людей, которые в нём жили. Я просто посижу и послушаю.

Внутри, у самой двери, Эвелин всё так же сидела, прижавшись спиной к дереву. Пальцы её до побеления сжимали ткань платья. Но слова Лоры не были резкими, не требовали ответа, не пытались её вытащить силой — и от этого дышать становилось чуть легче.

— Тут… — голос Эвелин дрогнул, и она поспешила его выровнять, будто стыдясь этой слабости. — Тут раньше всегда пахло цветами и воском. Мама натирала полы каждую субботу, и запах стоял такой, что даже в саду его было слышно. А в столовой на буфете стояла фарфоровая чашка с золотой каймой — она звенела, если её случайно задевали. И отец всегда говорил: «Не бегайте в гостиной».

Она замолчала, прислушиваясь к себе: не вернётся ли этот привычный мир, если она просто вспомнит его достаточно подробно. Но дом по прежнему молчал.

Лора не перебивала. Она просто сидела, смотрела на дверь и думала, как странно: она не видит лица Эвелин, не видит её глаз, но по голосу уже понимает, что та сейчас очень очень боится.

— А сейчас тут пахнет пылью и сыростью, — тихо добавила Лора, будто подсказывая, что она всё слышит. — И тихо так, что даже листья не шуршат.

Эвелин кивнула, хотя Лора этого не видела.

— Да, — прошептала она. — Слишком тихо. Как будто дом… уснул. Или умер.

Пауза повисла между ними, густая и тяжёлая. Но уже не враждебная.

Потом Лора чуть наклонилась вперёд, будто хотела, чтобы голос звучал ближе, доверительнее.

— Слушай, я не знаю, что тут происходит. Правда. Но я не хочу уходить. Если ты не готова выходить — окей. Но я тут. И… если вдруг захочешь посмотреть на что то, что тебе покажется странным, я могу объяснить. Без спешки.

Она достала из кармана телефон. Экран мягко засветился в полумраке, и этот ровный, неестественно яркий свет будто стал маленьким маяком посреди всей этой темноты. Лора не открывала дверь, не тянула к ней руку — просто держала телефон на ладони, позволяя свету лежать на пальцах.

— Вот, например, эта штука. Ты её видела, когда я доставала. Это телефон. Он как… ну, как письмо, только быстрее. И как библиотека, только вся помещается в руке. И ещё в нём есть карты, музыка, фотки… В общем, куча всего.

С той стороны двери Эвелин медленно подняла голову. Она не видела экрана, но чувствовала этот свет — он пробивался даже сквозь щели в старой древесине, тонкими золотистыми нитями.

— Он… светится сам? — спросила она осторожно, почти шёпотом, будто боялась спугнуть это чудо. — Без свечи? Без лампы?

Лора улыбнулась, на этот раз искренне.

— Ага. На аккумуляторе. Это такая штука внутри, которая хранит электричество. Ну, энергию. Сложно объяснить, но работает вот так.

Она провела пальцем по экрану, и на нём тихо звякнул какой то звук — обычное уведомление, которое в любой другой день Лора просто смахнула бы, не глядя. Но сейчас этот звук прозвучал как что то невероятное.

— Что это было? — голос Эвелин стал чуть громче, в нём мелькнуло любопытство, пробившееся сквозь страх. — Этот звон… он из коробочки?

— Из неё, — кивнула Лора. — Это мне кто то написал. Сообщение. Прямо сейчас, пока мы тут сидим. Можно даже не вставать, не бежать на почту — оно само приходит.

Эвелин прижала ладонь к двери, будто хотела почувствовать, как этот звон проходит сквозь дерево.

— Значит, кто то… прямо сейчас думает о тебе? И ты можешь ему ответить, не выходя из дома?

— Ну да, — Лора пожала плечами, хотя Эвелин этого не видела. — Или не отвечать. Или вообще выключить и просто сидеть.

Они снова помолчали. Но теперь тишина уже не давила. Она стала другой — как будто между ними протянулась тонкая, хрупкая ниточка.

И тут Лора вдруг замерла. В голове у неё щёлкнуло что то простое, но от этого не менее важное.

— Ты сказала… твой отец купил дом до твоего рождения, — медленно произнесла она, вспоминая их первый разговор. — Ты говорила про чай, про воск… про то, как тут всё было. А я… я живу в 2026 году. И для меня этот дом уже сто лет как пустой. Его все обходят стороной.

Она сделала паузу, подбирая слова, чтобы не напугать ещё сильнее.

— И знаешь… мне кажется, ты не просто так оказалась у этой двери. Мне кажется… мы с тобой из разных времён.

За дверью Эвелин перестала дышать. Слова Лоры упали в темноту, тяжёлые и невозможные, и повисли там, не находя опоры.

— Из… разных времён? — переспросила она, будто пробуя фразу на вкус. — Но как? Время одно. Оно идёт… как река.

— Наверное, — тихо согласилась Лора. — Но иногда река делает петлю. Или в ней появляется трещина. Я не знаю, как это работает. Но… посмотри на мой телефон. На мою одежду. На то, что дом не совсем в идеальном состоянии.

Эвелин медленно покачала головой, всё ещё не готовая поверить. Но потом её пальцы снова коснулись двери, и она тихо, почти беззвучно, спросила:

— А если я открою… снова открою эту дверь… я вернусь домой? В свой дом, где пахнет воском и цветами?

Лора сжала телефон в ладони, чувствуя холодный металл.

— Не знаю, — честно ответила она. — Может, да. А может… мы просто увидим, что всё осталось таким же. Но знаешь, что я точно могу сделать? Я могу посидеть тут. И могу рассказать тебе про мой мир. Про то, как мы живём. Чтобы ты не чувствовала себя совсем одной.

Эвелин закрыла глаза. Слова Лоры не возвращали ей дом, но они давали ей что то другое — кого то, кто не убегает, не кричит, не считает её сумасшедшей. Кого то, кто просто сидит по ту сторону двери и говорит: «Я тут».

— Расскажи, — вдруг тихо сказала Эвелин. — Расскажи про этот твой мир. Про элек… Как там ты это назвала? Про письма, которые приходят сами. Я… я хочу знать, куда я попала.

Дверь заскрипела — этот звук будто расколол тишину пополам. Эвелин осторожно показалась из за неё, будто сама не верила, что решилась выйти. Глаза её были широко распахнуты, плечи чуть приподняты, как у человека, который ждёт, что вот вот случится что то страшное.

Лора по прежнему сидела на ступеньках, не шевелясь, чтобы не спугнуть. В руке она держала телефон — не размахивала им, не тыкала экраном в лицо, а просто держала, как держат что то привычное и спокойное. Свет от экрана лёг мягкими бликами на её пальцы, на край футболки, на поцарапанную ступеньку.

Эвелин медленно опустилась рядом, не сводя глаз с этой светящейся коробочки. Она села так, чтобы между ними оставалось чуть чуть места — достаточно, чтобы можно было вскочить и убежать, если вдруг всё это окажется злой шуткой. Но бежать не хотелось. Хотелось понять.

— Что ещё может это делать? — прошептала Эвелин, указывая на телефон дрожащим пальцем, будто боялась, что если коснётся, то коробочка вспыхнет или исчезнет.

Лора улыбнулась — не насмешливо, а как улыбаются, когда видят, как кто то впервые замечает что то по настоящему удивительное.

— Можем смотреть кино, — тихо сказала она, будто тоже не хотела нарушать эту хрупкую тишину. — Прямо вот так: открываешь приложение, нажимаешь кнопку — и на этом маленьком экране мелькают целые миры. Можем слушать музыку: любую, какую захочешь. Хоть джаз, хоть рок, хоть колыбельную. Можем играть в игры — там бывают целые королевства, лабиринты, гонки… А ещё можем общаться с людьми на другом конце света. Написал сообщение — и через секунду человек его читает. Даже если он сейчас в Австралии.

С каждым словом Эвелин вздрагивала, будто Лора перечисляла не функции гаджета, а заклинания. Её глаза становились всё шире, брови ползли вверх, а пальцы невольно сжимали ткань платья.

— Ты меня пытаешься надурить? — наконец выдохнула она, и в голосе её не было злости — только отчаянная надежда, что это всё таки шутка, потому что иначе мир становился слишком огромным и странным. — Как это всё помещается вот сюда? Она же такая маленькая!

Лора чуть наклонила голову, будто смотрела на телефон чужими глазами — и вдруг увидела его заново: гладкий прямоугольник, который выглядит так обыденно, а на самом деле хранит в себе столько всего, что даже ей, выросшей среди этих вещей, иногда становится не по себе.

— Сама до сих пор иногда не верю, — призналась Лора, крутя телефон в пальцах. — Знаешь, мне кажется, мы к этому просто привыкли. Видим каждый день, трогаем, тыкаем в него, когда скучно… И забываем, что это на самом деле чудо. Просто… другое чудо, не такое, как в сказках.

Она провела пальцем по экрану, и тот послушно ожил: на фоне появилась фотография — Лора с подругами на пляже, солнце, песок, ветер треплет волосы.

— Вот, смотри, — сказала Лора, поворачивая экран так, чтобы Эвелин могла видеть. — Это я. В прошлом году. Мы ездили на море. Я нажала кнопку — и картинка осталась. Теперь я могу смотреть на неё хоть каждый день. А раньше, чтобы сохранить чей то образ, нужно было звать художника, сидеть часами, пока он рисует…

Эвелин подалась вперёд, почти касаясь экрана кончиком носа. Она водила взглядом по картинке, будто пыталась разглядеть в ней какую то тайну.

— Это… не рисунок? — прошептала она. — Не акварель?

— Нет, — покачала головой Лора. — Фотография. Её делает камера — вот тут, сзади. Ловит свет и сохраняет картинку.

Эвелин покачала головой, будто пыталась уложить это в голове, но слова рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— В нашем мире… — тихо начала она и осеклась. Потом снова попробовала: — В моём мире, если ты хочешь показать кому то, где была, ты пишешь письмо. Или рисуешь. Или рассказываешь. И никто не верит, потому что слова… они такие ненадёжные. А тут… тут есть доказательство.

Она подняла глаза на Лору, и в них было столько растерянности и восторга одновременно, что Лоре вдруг захотелось обнять её — просто чтобы сказать: «Всё нормально, я тут, я всё покажу». Но она сдержалась. Вместо этого она просто чуть подвинулась, освобождая Эвелин ещё немного места, и сказала:

— Хочешь, покажу что нибудь совсем простое? Например, погоду. Или карту, где видно весь город сверху. Или… ну, не знаю, котиков. У нас в интернете полно котиков, они здорово помогают, когда мир кажется слишком странным.

Уголок губ Эвелин чуть дрогнул — будто она хотела улыбнуться, но боялась, что улыбка выйдет кривой и нелепой.

— Покажи… котиков, — тихо сказала она. — Если можно.

Лора кивнула, будто это была самая важная просьба на свете. Она снова коснулась экрана, и через пару секунд на нём появилась картинка: пушистый рыжий кот развалился на подоконнике, щурясь на солнце.

Эвелин тихо ахнула.

— Он… настоящий? — прошептала она, будто боялась спугнуть изображение.

— Ну, он где то там, — улыбнулась Лора. — Не здесь, не рядом. Но он был. И кто то его сфотографировал. И теперь мы можем на него смотреть.

Эвелин долго смотрела на кота, будто пыталась найти в нём какую то подсказку, какое то объяснение всему, что с ней происходит. Потом она медленно подняла глаза на Лору.

— Я не понимаю, — честно призналась она. — Совсем. Но… мне не страшно. Пока не страшно. Потому что ты всё это объясняешь.

Лора глубоко вздохнула. Слова крутились на языке — те самые, про разные времена, про трещины в реке. Но она не стала их произносить. Не сейчас. Сейчас Эвелин нужно было что то простое, понятное, тёплое.

— Знаешь, — сказала Лора, убирая телефон в карман, но так, чтобы он всё ещё был под рукой, — иногда не нужно всё понимать сразу. Иногда можно просто сидеть, смотреть на котика и думать: «Ну, ладно, это странно, но, по крайней мере, котик милый».

Эвелин слабо улыбнулась. Улыбка вышла робкой, как первый солнечный луч после долгого дождя.

— Котик… милый, — повторила она, пробуя слова на вкус. И вдруг добавила: — А если… если ты покажешь мне ещё что нибудь? Не сложное. Просто… чтобы я знала, как выглядит твой мир.

Лора кивнула.

— Покажу, — пообещала она. — Всё, что захочешь. По чуть чуть. Чтобы не закружилась голова.

И они посидели так ещё немного: две девушки, разделённые не только дверью, но и целым столетием, а теперь сидящие бок о бок на старых ступеньках. Одна — из мира писем и свечей, другая — из мира экранов и мгновенных сообщений. И между ними сейчас не было ни страха, ни спешки. Только тихий вечер, скрип старого дома и робкое любопытство, которое потихоньку разгоняло тьму.— Ты знаешь… — вдруг произнесла Лора, будто слова сами прорвались сквозь уютную тишину, которую они так старательно собирали по кусочкам. — Вокруг этого дома ходят разные истории.

Эвелин чуть нахмурилась, прислушиваясь не столько к словам, сколько к тому, как они прозвучали: осторожно, с какой-то виноватой тяжестью.

— И какие же? — поинтересовалась она, но в голосе уже не было прежнего любопытства — только насторожённость, будто она вдруг почувствовала, что под старыми ступенями может оказаться не просто пыль, а что-то острое.

Лора посмотрела на неё прямо.

— Ты действительно готова их услышать? — спросила она тихо. — Они не самые добрые. И… частично о тебе и твоей маме.

Эвелин замерла. Даже воздух будто стал гуще, и каждый вдох давался чуть труднее.

— Моей маме? — её губы дрогнули, и она невольно подалась вперёд, будто хотела силой мысли вытянуть из Лоры нужные слова. — Ты… ты знаешь, что с ней случилось? А где мой отец? А мои сёстры и брат?

Она придвинулась к Лоре почти вплотную, так, что между ними не осталось ни сантиметра той осторожной дистанции, которую Эвелин так старательно держала.

— Умоляю тебя, скажи, скажи, что ты знаешь!

— Тише, тише, — Лора мягко накрыла ладонью дрожащие пальцы Эвелин, не отпуская, но и не сжимая слишком крепко — просто чтобы дать почувствовать: она здесь, она не уйдёт, не бросит её одну в этой нарастающей буре. — Я знаю не очень много. Только то, что было в местных легендах. Но ещё можно посмотреть в интернете.

— Посмотри, в этом своём интернате! Пожалуйста!

Лора чуть улыбнулась, но улыбка вышла грустной, натянутой.

— Правильно, в интернете. Это такая мировая паутина.

— У вас здесь пауки водятся? — вдруг спросила Эвелин, и в её глазах мелькнул настоящий испуг. — И насколько они большие?

Она стала озираться по сторонам, будто в любой момент из тени могла выползти что-то жуткое, и при этом вцепилась в руку Лоры так, что побелели костяшки.

Лора тихонько улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась как можно спокойнее, почти обыденной.

— Тут нет пауков. Это просто такое название. Паутина — значит, всё связано между собой. Как ниточки.

Она не стала тянуть. Не хотела, чтобы ожидание сделало правду ещё страшнее. Лора достала телефон, экран привычно вспыхнул в полумраке, и пальцы её на секунду замерли над клавиатурой.

— Давай глянем, что интернету известно о тебе и твоих родственниках.

И она ввела поисковый запрос.

Экран послушно выдал результаты. Лора бегло пробежалась глазами по строчкам, по заголовкам старых статей, по цифрам и датам, которые вдруг перестали быть просто буквами и стали чем-то тяжёлым, осязаемым.

Правда была именно такой: после того как Эвелин Морган, старшая дочь магната, пропала в 1915 году — о чём писали крупные газеты, — все силы семьи и деньги были брошены на её поиски. Шесть лет бесплодных поисков. Мама Эвелин не выдержала горя и умерла; её похоронили в семейном склепе за особняком. Оставшаяся часть семейства Морганов покинула злополучный дом и вернулась в Европу.

Теперь перед Лорой встала та самая дилемма: рассказать всё сразу, обрушить на Эвелин эти холодные, безжалостные факты — или попытаться смягчить удар, дать ей опору, прежде чем она узнает, что её мир не просто сдвинулся, а треснул до самого основания.

Лора медленно выдохнула, закрыла глаза на секунду, будто пытаясь собрать слова в правильном порядке. Потом снова посмотрела на Эвелин. Та сидела, сжавшись, как перед ударом, и всё ещё не отпускала её руку.

— Слушай, — начала Лора, подбирая каждое слово, как хрупкие стёклышки, которые нельзя уронить. — Я нашла кое что. Но это… тяжело. И я не хочу просто вывалить это на тебя.

— Нет, — резко сказала Эвелин, будто боялась, что если Лора начнёт щадить её, то правда ускользнёт, растворится в вежливых фразах. — Не надо мягче. Я не ребёнок. Если ты знаешь — скажи. Я должна знать, что стало с моей семьёй.

Лора кивнула. Она поняла: сейчас Эвелин нужна не мягкость, а честность. Пусть даже она будет острой, как стекло.

— Хорошо, — тихо сказала она, глядя Эвелин прямо в глаза, чтобы та видела: Лора не прячет взгляд, не врёт, не отводит глаза. — Тогда слушай.

И Лора начала рассказывать. Сначала — про исчезновение. Про то, как о нём писали газеты. Про долгие, отчаянные поиски, на которые семья бросила всё. Потом, подбирая интонацию, чтобы голос не дрожал, она дошла до самого тяжёлого: про то, как мама Эвелин не вынесла горя. Про склеп за домом. Про то, что семья уехала.

С каждым словом Эвелин будто становилась чуть тише, будто из неё медленно уходила сила, но она не отворачивалась. Она слушала, крепко стискивая пальцы Лоры, как будто эта рука была единственной вещью, которая удерживала её на месте, не давала рассыпаться на тысячи крошечных осколков.

Когда Лора закончила, воцарилась тишина. Не та уютная, что была раньше, а тяжёлая, звенящая. Эвелин медленно опустила взгляд на их сцепленные руки, потом снова подняла глаза на Лору. В них не было слёз, но была такая глубокая, пронзительная пустота, будто она пыталась осознать, что теперь она — не просто девочка из старого дома, а призрак собственной истории.

— Значит, меня… не нашли, — прошептала она, словно пробуя эти слова на вкус, и они оказались горькими. — А мама… она умерла, думая, что я пропала.

— Да, — тихо подтвердила Лора. — Но она до последнего верила, что ты вернёшься. Они все верили.

Эвелин закрыла глаза, и по щеке всё-таки скользнула одна-единственная слезинка, которую она тут же поспешно смахнула, будто стыдясь этой слабости.

— Прости, — пробормотала она, отводя взгляд. — Я обещала себе, что не буду плакать.

— Не извиняйся, — Лора чуть подвинулась и, не спрашивая разрешения, осторожно обняла Эвелин за плечи, позволяя ей уткнуться в плечо, спрятаться от этого огромного, внезапно ставшего слишком жестоким мира. — Плакать тут можно. Здесь безопасно.

Они посидели так ещё немного. Ветер шевелил сухие листья у подножия ступеней, где-то вдалеке прокричала птица, и старый дом тихо поскрипывал, будто вздыхал вместе с ними.

А потом Эвелин чуть отстранилась, вытерла глаза и посмотрела на Лору с той упрямой решимостью, которая появляется у людей, когда они понимают, что мир изменился, но сдаваться не собираются.

— Спасибо, что сказала правду, — проговорила она тихо, но твёрдо. — Теперь я знаю. И… я не хочу сидеть и жалеть себя. Если я действительно оказалась в будущем, значит, мне нужно понять, как это случилось. И, может быть… может быть, есть способ всё исправить. Или хотя бы не дать этому повториться.

Лора кивнула, понимая, что сейчас Эвелин нужно не утешение, а цель.

— Тогда давай разбираться вместе, — сказала она, снова доставая телефон, но теперь уже не чтобы показать чудеса, а чтобы искать ответы. — С чего начнём?

Новый странный мир.

Солнце садилось, вытягивая тени по склону холма, и старый дом будто съёживался в сумерках, становясь не зловещим, а просто очень старым — как вещь, слишком долго хранившую чужие секреты. Воздух был густой, тёплый, по-южному тягучий, пахло сухой травой, пылью и чуть-чуть смолой от старых кедров, что росли по краю участка. Лора и Эвелин всё ещё стояли у порога, но теперь между ними не было ни неловкости, ни той тишины, которую страшно нарушить. Была только общая задача: вернуть Эвелин туда, где её мама ещё жива, где она ещё просто девочка, опаздывающая к завтраку. Эвелин вдруг медленно повернулась в сторону сада, туда, где за густыми зарослями терялась дорожка к семейному склепу. В её взгляде мелькнуло что-то такое, от чего у Лоры внутри всё сжалось.

— Подожди, — тихо, но твёрдо сказала Лора, мягко перехватив её руку. — Не надо туда идти. Эвелин нахмурилась:

— Но я должна знать…

— Ты уже знаешь, — мягко, но без жалости ответила Лора. — Ты знаешь, что мама ждала тебя шесть лет. Что не выдержала этой пустоты. Но сейчас для тебя она жива. Ты помнишь её голос, запах лаванды от шали, как она вздыхала, когда ты опаздывала к завтраку… Пусть это останется главным. А то, что сейчас там, в склепе, — это то, что исчезнет, когда ты вернёшься домой. Ты снова окажешься в своём времени, этого просто не случится.

Эвелин замерла, будто слова Лоры стали той самой опорой, которой ей так не хватало. Она медленно выдохнула.

— Тогда не надо склепа, — твёрдо сказала она, будто отрезав эту дорогу раз и навсегда. — Я помню её такой, какой она была в тот день. Этого хватит.

Лора чуть улыбнулась:

— Этого хватит. А сейчас давай искать то, что поможет тебе вернуться. Она чуть потёрла пальцы, будто хотела стряхнуть с них тяжесть прочитанных строк, и посмотрела на Эвелин как на напарницу, а не как на призрака из прошлого.

— Слушай, — сказала Лора. — Если мы хотим понять, как ты сюда попала, надо найти самый первый момент, где всё пошло не так. Что ты помнишь про тот вечер? Любая мелочь может пригодиться.

Эвелин на секунду замерла, собираясь с мыслями.

— Мы были на дне рождения Виолетты, — тихо начала она. — В соседнем доме. Это был большой приём, много свечей, торт с розовой глазурью, которую Виолетта терпеть не могла. А потом приехал фокусник. Раджив Дас.

Она запнулась, будто имя было тяжёлым и нужно было его аккуратно положить на стол между ними.

— Он был в чёрном фраке, с высоким цилиндром. На нём была маленькая серебряная брошь в форме полумесяца. Он попросил добровольца, и я сама шагнула вперёд. Думала, это просто трюк: откроешь дверцу, выйдешь с другой стороны, все похлопают — и на этом всё.

Её пальцы невольно сжались, будто снова чувствовали холодную ручку шкафа.

— Когда мы вошли… Там было не темно, как я ожидала. Там было тихо. Очень тихо, как под водой. И свет шёл не сверху, а будто изнутри самого воздуха. А потом он сказал: «Не бойся», и я почувствовала, как пол уходит из-под ног. Но самое странное — когда мы вышли, никто ничего не заметил. Все аплодировали, Виолетта смеялась, и всё выглядело так, будто это был обычный трюк.

Лора слушала, не перебивая, и в голове у неё складывалась новая картина.

— То есть шкаф не простой, — медленно повторила она. — Он как будто… цеплял тебя!?

Эвелин кивнула, будто наконец-то нашла слово, которое всё объясняло.

— Да, — прошептала она. — Остаточная магия. Именно так.

Лора достала телефон. Экран привычно вспыхнул в сгущающихся сумерках.

— Если шкаф был не простым трюком, о нём должны были писать. И про самого Раджива Даса тоже. Газеты обожали такие штуки. Она быстро набрала: «фокусник Раджив Дас, волшебный шкаф, 1915 год, юг США». Палец замер над кнопкой «Найти», и Лора на секунду подняла глаза на Эвелин.

— Готова? — тихо спросила она.

Эвелин кивнула.

— Да. Я должна это видеть.

Результаты поиска загрузились с тихим шуршанием уведомлений. Лора быстро пролистала заголовки, пока один из них не заставил её задержать дыхание.

— Вот, — прошептала она, приближая экран. — «Загадочный волшебный шкаф на приёме у семьи Харрингтон».

Эвелин тихо выдохнула:

— Это тот самый вечер.

Лора открыла статью и быстро пробежалась глазами по строкам, а потом подняла взгляд на Эвелин с той самой решимостью, которая появлялась у неё, когда пазл начинал складываться.

— Тут ещё кое-что, — сказала она. — По данным из доступного архива газет, сам Раджив Дас тоже исчез. Месяц спустя после тебя.

Эвелин побледнела, но не отвернулась.

— Значит, шкаф был не просто трюком, — прошептала она. — И он знал, что делает. Или… не знал, но что-то пошло не так.

Лора закрыла статью, но телефон не убрала.

— И значит, мы на верном пути, — сказала она. — Если он исчез следом за тобой, возможно, он оставил после себя что-то. Записи, афиши, письма. Что угодно.

Эвелин медленно кивнула. В её глазах уже не было той пронзительной пустоты, что была после рассказа о склепе. Теперь там была цель.

— Тогда начнём с поиска шкафа, — тихо, но уверенно сказала она. — И той самой броши в форме полумесяца. Если он выступал где-то ещё, может, кто-то запомнил эту деталь.

Лора улыбнулась той самой улыбкой, когда знаешь, что впереди много работы, но ты не одна.

— Отлично, — кивнула она. — Шкаф и полумесяц. Это уже зацепка. Сейчас добавлю это в поиск, и посмотрим, куда нас это приведёт.

Они придвинулись друг к другу чуть ближе, чтобы обе могли видеть экран. Вечер, который ещё минуту назад казался тяжёлым, внезапно наполнился тихим, упрямым светом, исходящим от двух людей, решивших, что сдаваться рано. Лора водила пальцем по экрану, словно пытаясь извлечь из него последний смысл. Статьи мелькали одна за другой, и с каждой новой строчкой паззл складывался чуть чётче. Эвелин стояла рядом, чуть наклонившись, и смотрела на светящийся экран так, будто это был волшебный ящик, выдающий слова, даты и воспоминания.

— Вот, — тихо сказала Лора, словно боясь спугнуть находку. — В одной архивной заметке говорится, что Раджив Дас привозил элементы для своего шкафа из Египта. А брошь... брошь была из Французского Туниса.

Эвелин тихо выдохнула:

— Из Французского Туниса... Значит, он долго собирал этот трюк. Не просто купил и надел, а вкладывал в него что-то.

Лора кивнула, не отрываясь от экрана:

— Да. И это многое объясняет. Если шкаф был не просто коробкой, а чем-то вроде проводника, ему могли понадобиться особые материалы с историей.

Она прокрутила страницу ниже и замерла.

— Слушай, тут ещё что-то. Брошь продали с аукциона в 1930 году. Наследники мага. Сейчас она у частного коллекционера, имена которого никто не знает. А вот шкаф... он до сих пор у семьи Дас, его выставляют в антикварном доме в Ньюпорте. Это город рядом, всего несколько часов на машине.

Эвелин подняла глаза, словно только сейчас осознав масштаб находки:

— Шкаф всё ещё существует? Значит, он не исчез, а просто... ждёт. И семья больше не занимается магией. Теперь они антиквары, спрятавшие прошлое за витринами.

Лора чуть улыбнулась, но в её улыбке было что-то грустное:

— Я даже не задумываюсь об этом. Для меня это просто часть жизни, как дышать. Но если взглянуть со стороны... да, это магия, только другая.

Эвелин коснулась экрана пальцем:

— А он никогда не устаёт? Не просит отдыха?

— Нет, — тихо ответила Лора. — Только зарядки. Но это мелочи.

Они снова замолчали, но теперь молчание было собранным, как перед дорогой.

— Значит, шкаф в Ньюпорте, — повторила Эвелин, пробуя слова на вкус. — И если он всё ещё там, может... помнить или хранить что-то, что поможет мне вернуться.

Лора закрыла вкладку, но телефон не убрала:

— Да, и это наша следующая остановка. Мы можем поехать туда. Посмотрим на него, найдём метку или символ, что-то напомнившее тебе тот момент. Или узнаем, что семья Дас знает о его природе.

Эвелин медленно кивнула. В её взгляде больше не было растерянности, только упрямая сосредоточенность:

— Тогда поедем. Я не хочу сидеть и ждать, пока прошлое меня найдёт. Я пойду к нему.

Лора посмотрела на неё, и что-то внутри щёлкнуло на место. Не страх, не сомнения, а уверенность: они делают то, что должны.

— Хорошо, — кивнула она. — Давай продумаем маршрут. До Ньюпорта можно доехать на машине или на автобусе. Главное — добраться до антикварного дома и увидеть шкаф своими глазами.

Эвелин чуть улыбнулась, впервые за долгое время без напряжения:

— Знаешь, когда я была маленькой, думала, что настоящие чудеса — когда из шляпы достают кролика. Теперь понимаю: чудо — когда кто-то не бросает тебя разбираться с тайной.

Лора тоже улыбнулась, смущённо, но искренне:

— Ну, кроликов у меня нет. Зато есть карта, поиск и идеи.

Вечер окончательно опустился на старый дом, и тени стали густыми. Но теперь Лора и Эвелин знали, куда идти. Для них шкаф был дверью и, возможно, ключом.

Лора по-прежнему держала экран телефона чуть под углом, чтобы Эвелин могла видеть, но теперь её пальцы замерли — не в поисках новых статей, а как будто она наконец-то осознала, что нельзя мчаться вперёд, не оглянувшись назад.

— Я, конечно, не представляю, как ты сейчас себя чувствуешь, — тихо сказала Лора, убирая телефон в карман. — Но давай не будем торопиться. Уже вечер, и почти всё закрыто. А стоять здесь, когда тени становятся длиннее, а дом словно съеживается от холода... это не то, что тебе сейчас нужно.

Эвелин вдруг почувствовала, как вечерний воздух, ещё недавно тёплый и тягучий, забирается под тонкую ткань её платья, делая плечи зябкими.

— Но оставаться в холодном особняке тоже не выход, — продолжила Лора чуть твёрже. — Сегодня ты переночуешь у меня в общежитии. Там тепло, есть душ, кровать и... ну, в общем, там нормально.

Эвелин нахмурилась, словно пыталась удержать в голове слишком много вещей: шкаф в Нью-Порте, брошь у неизвестного коллекционера, синий отсвет воспоминаний и вдруг эту простую фразу про кровать.

— А что не так с моим платьем? — спросила она, окидывая взглядом подол, уже чуть потемневший от пыли дорожки.

— С ним всё в порядке, — ответила Лора, чуть улыбнувшись. — Оно красивое. Но сейчас так никто не одевается, разве что амиши. А мы с тобой идём по улицам, и если ты будешь в этом, на тебя будут оборачиваться. Не потому что это плохо, а потому что... слишком заметно.

Эвелин замерла, и в её глазах мелькнуло что-то хрупкое. Она словно вместе с платьем должна была снять и часть себя, часть той девочки из другой эпохи.

— По комплекции мы похожи, — быстро добавила Лора. — Может, тебе подойдёт что-то из моей одежды. Джинсы, футболка... ничего особенного, просто удобно.

Эвелин медленно кивнула, будто принимая не просто предложение переодеться, а сам факт, что ей придётся стать чуть менее собой, чтобы остаться в этом времени хоть на одну ночь.

— Ладно, — тихо согласилась она. — Если так надо.

Они двинулись прочь от дома. Лора ловко подобрала велосипед, и он скрипнул, когда она подняла его. Этот звук, такой обычный и земной, вдруг странно успокоил её.

— Держи руль, если хочешь, — предложила она. — Или просто держись за меня. Тут недалеко.

Эвелин осторожно коснулась холодной металлической ручки, словно проверяя, не исчезнет ли она, если сжать чуть крепче. Потом покачала головой:

— Лучше я просто пойду рядом. Пока ещё не привыкла к тому, как всё быстро.

Они шли медленно, не спеша, шаг за шагом. Лора давала Эвелин время привыкнуть к изменениям мира. Подходя к калитке, Эвелин вдруг остановилась, медленно, будто боялась спугнуть момент.

И только сейчас она увидела свой дом: опустевший, с тёмными окнами, похожими на пустые глазницы, с поросшими мхом стенами и разбитыми стёклами, которые в сумерках казались чёрными трещинами. Дом стоял в звенящей тишине вечера, тяжёлой, как будто оплакивал тех, кто когда-то в нём жил.

Эвелин сжала кулаки, но не заплакала. Она стояла, смотрела, запоминала. Лора не спешила, не тянула её за руку, не говорила пустых слов. Она просто встала рядом и посмотрела на особняк с уважением к чужой боли.

— Мы сделаем всё, чтобы вернуть тебя домой, — тихо произнесла она, касаясь плеча Эвелин. — Ты не одна.

Эвелин медленно повернула голову и посмотрела на Лору. В её взгляде было столько благодарности, что Лора смутилась.

— Спасибо, — прошептала она, и голос её дрогнул, но она удержала его. — За то, что не говоришь «всё будет хорошо», как заклинание. За то, что просто... стоишь рядом.

Лора улыбнулась, чуть криво, но искренне.

— Ну, я не волшебница, — сказала она. — Зато я знаю, где в общежитии есть горячий чай и одеяла, которые греют даже в самые холодные ночи. Пойдём.

И они пошли дальше, не оглядываясь на дом, но не стирая его из памяти. Пусть он останется там, за спиной, как напоминание о том, ради чего они будут искать ответы.

Они уже спускались с холма, и воздух менялся: из густого, пахнущего кедрами и пылью, он становился городским. Теперь в нём слышался запах асфальта, чуть горелой листвы и далё-

кого дождя. Шум города тоже доносился отчётливее — не рёв мегаполиса, а уютный, домашний гул маленького городка, который знал, что уже вечер, но ещё не готов засыпать.

— Это Голдсмайт, — тихо произнесла Лора, будто назвав его так, можно было бережно разбудить его историю. — Так его назвали, когда здесь нашли первые золотые слитки. Тогда он был крошечным. Хотя ты, наверно, и так знаешь эту историю.

Эвелин остановилась, прислушиваясь к этому имени. Оно всё ещё означало для неё тот самый городок, где по главной улице неспешно катились экипажи, где на углу пекарни всегда пахло свежим хлебом, а по воскресеньям на площади играл духовой оркестр. Она молча кивнула, подтверждая слова Лоры.

Они стояли на пологом склоне, откуда открывался вид на уходящие вдаль улицы, россыпь огней и силуэты новых домов, выросших там, где раньше были только поля и старая конюшня.

— Он стал таким большим, — прошептала Эвелин, вглядываясь в панораму, будто пытаясь найти среди новых крыш знакомые очертания. — В 1915 году отсюда было видно только колокольню и крышу почты. А теперь… теперь тут столько огней. Город словно решил не останавливаться и строить дом за домом, пока не заполнил всё пространство.

Лора кивнула, не пытаясь приукрасить:

— Да. Он рос. Новые улицы, новые люди. Жизнь не стояла на месте.

Эвелин медленно покачала головой, всё ещё не в силах поверить:

— А я думала, что если окажусь рядом, то сразу увижу завод и даже папину машину у ворот… Будто всё будет ровно так, как в тот осенний день. Но город стал другим. Не чужим, нет… просто повзрослевшим. Он как человек, который прожил много лет, а ты...

Она не знала, как закончить эту фразу. Всё ещё не понимала, как оказалась так далеко от привычного ей мира. Лора не торопила её, не заполняла тишину словами. Просто стояла рядом, давая Эвелин время привыкнуть к новой картине мира.

И в этот момент, когда Эвелин начала привыкать к изменившемуся Голдсмайту, на обочине просёлочной дороги, мигая сиреной, остановилась машина местного шерифа. Дверь открылась, и оттуда медленно вышел силуэт в форме — без чётких черт, только очертания, подсвеченные красно-синими вспышками, да тяжёлая тень, ложащаяся на асфальт.

Лора тихо втянула воздух и шагнула вперёд, прикрывая собой Эвелин. Это выглядело как естественное движение — подруга, которая идёт чуть впереди.

— Ладно, — сказала она, не поворачиваясь к машине, но чувствуя на себе пристальный, неспешный взгляд из полутьмы. — Давай не будем стоять тут, будто мы сами не знаем, куда идём.

Эвелин сжала пальцы в кулаки, но не отступила. Она смотрела не на силуэт, а на Лору, ища в её лице уверенность, которая уже не раз помогала держаться.

— Хорошо, — тихо ответила она. — Я пойду за тобой.

Они уже спускались с холма, и воздух менялся: из густого, пахнущего кедрами и пылью, он становился городским. Теперь в нём слышался запах асфальта, чуть горелой листвы и далёкого дождя. Шум города тоже доносился отчётливее — не рёв мегаполиса, а уютный, домашний гул маленького городка, который знал, что уже вечер, но ещё не готов засыпать.

— Это Голдсмайт, — тихо произнесла Лора, будто назвав его так, можно было бережно разбудить его историю. — Так его назвали, когда здесь нашли первые золотые слитки. Тогда он был крошечным. Хотя ты, наверно, и так знаешь эту историю.

Эвелин остановилась, прислушиваясь к этому имени. Оно всё ещё означало для неё тот самый городок, где по главной улице неспешно катились экипажи, где на углу пекарни всегда пахло свежим хлебом, а по воскресеньям на площади играл духовой оркестр. Она молча кивнула, подтверждая слова Лоры.

Они стояли на пологом склоне, откуда открывался вид на уходящие вдаль улицы, россыпь огней и силуэты новых домов, выросших там, где раньше были только поля и старая конюшня.

— Он стал таким большим, — прошептала Эвелин, вглядываясь в панораму, будто пытаясь найти среди новых крыш знакомые очертания. — В 1915 году отсюда было видно только колокольню и крышу почты. А теперь… теперь тут столько огней. Город словно решил не останавливаться и строить дом за домом, пока не заполнил всё пространство.

Лора кивнула, не пытаясь приукрасить:

— Да. Он рос. Новые улицы, новые люди. Жизнь не стояла на месте.

Эвелин медленно покачала головой, всё ещё не в силах поверить:

— А я думала, что если окажусь рядом, то сразу увижу завод и даже папину машину у ворот… Будто всё будет ровно так, как в тот осенний день. Но город стал другим. Не чужим, нет… просто повзрослевшим. Он как человек, который прожил много лет, а ты...

Она не знала, как закончить эту фразу. Всё ещё не понимала, как оказалась так далеко от привычного ей мира. Лора не торопила её, не заполняла тишину словами. Просто стояла рядом, давая Эвелин время привыкнуть к новой картине мира.

И в этот момент, когда Эвелин начала привыкать к изменившемуся Голдсмайту, на обочине просёлочной дороги, мигая сиреной, остановилась машина местного шерифа. Дверь открылась, и оттуда медленно вышел силуэт в форме — без чётких черт, только очертания, подсвеченные красно-синими вспышками, да тяжёлая тень, ложащаяся на асфальт.

Лора тихо втянула воздух и шагнула вперёд, прикрывая собой Эвелин. Это выглядело как естественное движение — подруга, которая идёт чуть впереди.

— Ладно, — сказала она, не поворачиваясь к машине, но чувствуя на себе пристальный, неспешный взгляд из полутьмы. — Давай не будем стоять тут, будто мы сами не знаем, куда идём.

Эвелин сжала пальцы в кулаки, но не отступила. Она смотрела не на силуэт, а на Лору, ища в её лице уверенность, которая уже не раз помогала держаться.

— Хорошо, — тихо ответила она. — Я пойду за тобой.

Они медленно двинулись в сторону машины, и с каждым шагом красно-синие вспышки будто били прямо по нервам. Эвелин чуть отстала, не понимая, что задумала Лора: зачем идти прямо к человеку в форме, к этой тяжёлой тишине, нарушаемой только треском рации? Но Лора шла уверенно, не торопясь, будто это самое обычное дело — поболтать с шерифом на обочине. Когда до машины оставалось всего несколько шагов, Лора чуть приподняла руку в небрежном полужесте и спокойно сказала:

— Привет, мам.

Силуэт сделал шаг туда, где света было чуть больше, — и из полутьмы выступила женщина в униформе: строгая линия плеч, тяжёлая пряжка ремня, пистолет на бедре, серебряная звезда на груди. В её взгляде читалась привычная настороженность патрульного, которая в ту же секунду начала таять, сменяясь узнаванием. Эвелин будто налетела на невидимую стену. В голове у неё на секунду всё замерло, а потом зашумело, как в пустой раковине.

Женщина-шериф. С оружием. С железной звездой. И Лора называет её мамой. Первая мысль ударила нелепой, острой молнией: «Если это её мать, то почему она позволила дочери выйти на улицу... в шортах? Почему сама одета как мужчина-законник?» В мире, который Эвелин помнила, женщины не носили форму, не стояли на обочинах с тяжёлыми ремнями, а дочери не появлялись перед матерями в такой откровенной, почти дерзкой одежде. Это казалось нарушением всех неписаных правил — как если бы небо вдруг стало зелёным, а солнце закатилось в полдень.

По привычке, вбитой с детства, Эвелин попыталась найти единственное, что могло её спасти, — безупречные манеры. Вежливость как щит. Она судорожно сжала кулаки, будто пытаясь удержать себя от того, чтобы не отступить, не убежать, не закрыть лицо руками. И, не зная, что ещё сделать, она чуть наклонилась в идеальном, хоть и дрожащем реверансе — так, как учили: если не знаешь, как поступить, поклонись и говори уважительно.

— Добрый день, мэм, — тихо, но отчётливо произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Простите, что мы... оказались здесь.

Женщина-шериф чуть приподняла бровь, скользнула взглядом по длинному платью Эвелин, по её напряжённым плечам, по этому старомодному поклону, а потом перевела взгляд на Лору. В этом взгляде было столько вопросов, что хватило бы на целый допрос. А Лора, будто не замечая всей этой неловкости, шагнула чуть вперёд, прикрывая Эвелин не от опасности, а от лишнего внимания, и быстро, но не торопливо заговорила:

— Мам, это Эвелин. Моя новая соседка по колледжу. Она... из амишей. Только приехала, ещё не привыкла ни к чему. Мы как раз идём в общежитие.

Шериф Фергюс медленно кивнула, и в её глазах мелькнуло понимание — или, по крайней мере, готовность принять эту версию, чтобы не усложнять вечер. Она чуть ослабила стойку, но не расслабилась полностью: привычка держать руку ближе к кобуре не исчезала даже рядом с дочерью.

— Ясно, — спокойно сказала она, чуть смягчая голос. — Только в следующий раз, когда будете возвращаться, держитесь подальше от просёлочных дорог в темноте. Тут иногда лисы бегают, а иногда... люди, которым не стоит попадаться на глаза.

Лора кивнула, будто это был обычный родительский совет, а не предупреждение от шерифа.

— Да, мам. Мы будем осторожнее.

И тут Эвелин почувствовала, как мир снова качнулся, но уже в другую сторону. Лора и её мама говорили друг с другом без подобострастия, без долгих церемоний, без разрешения на каждое слово. Лора не опускала глаза, не ждала позволения говорить, не дрожала от одного взгляда строгой женщины. Они общались почти на равных — с лёгкой иронией, с намёком на привычную семейную поддёвку, которую постороннему и не услышать. Для Эвелин это было даже страшнее, чем сама форма и пистолет.

«В этом мире разрушены все законы Бога, морали и государства», — пронеслось у неё в голове, но тут же разбилось о простую, тёплую реальность: Лора не была наказана, её не стыдили, на неё просто смотрели с заботой.

Шериф Фергюс чуть наклонила голову, оглядывая дорогу, потом снова посмотрела на девушек.

— Знаете что, — сказала она уже не как должностное лицо, а как женщина, которой спокойнее, когда близкие не идут по тёмной дороге. — Я вас подвезу. До города. Так мне будет спокойнее.

Лора чуть нахмурилась, будто хотела отказаться из принципа, но тут же поняла, что спорить сейчас — значит только растянуть разговор.

— Спасибо, мам, — мягко сказала она. — Но не до самого кампуса, ладно? До студенческого городка. Дальше мы сами. Тут недалеко, и... нам надо немного пройтись.

Шериф Фергюс прищурилась, будто пыталась прочесть между строк, что за этим «нам надо пройтись» прячется не каприз, а какая-то своя, важная для девушек причина. Но она не стала давить. Просто кивнула.

— Ладно. До студенческого городка. Но чтобы ровно там и вышли. И ни шага по тёмным переулкам.

Лора улыбнулась — не дерзко, а благодарно.

— Договорились.

Они подошли к машине, и Эвелин на секунду замерла у двери, будто боялась, что, шагнув внутрь, окончательно потеряет связь с тем миром, который ещё недавно был её единственным. Лора заметила эту заминку и тихо, почти незаметно коснулась её локтя — не тянула, просто напоминала: «Я здесь».

— Всё нормально, — шепнула она. — Это просто машина. Как карета, только без лошадей.

Эвелин слабо кивнула и села на заднее сиденье, аккуратно подобрав подол платья, словно боялась, что он зацепится за что-то незнакомое. Внутри пахло кожей, кофе и чем-то металлическим — запахом, который принадлежал этому времени. Машина плавно тронулась, мигалки погасли, и Голдсмайт теперь открывался не с холма, а из окна: огни витрин, силуэты домов, мелькающие столбы, будто город сам торопился навстречу.

— Так, значит, амиши? — не оборачиваясь, спросила шериф Фергюс, голос её звучал спокойно, без осуждения, просто как попытка уложить новую деталь в общую картину.

— Да, — быстро подхватила Лора, не давая паузе стать неловкой. — Недавно приехала. Ещё привыкает ко всему.

Эвелин сжала пальцы на коленях, но на этот раз не в попытке сделать реверанс, а чтобы просто удержать себя на месте. И вдруг поняла: ей не нужно сейчас ничего объяснять. Достаточно того, что Лора прикрывает её своей версией, как щитом.

— Понятно, — коротко сказала шериф Фергюс и больше не задавала вопросов. Вместо этого она просто вела машину, время от времени поглядывая в зеркало заднего вида — не с подозрением, а с той самой заботой, которую не нужно было озвучивать.

Когда впереди показались огни студенческого городка — яркие фонари, вывеска кафе, силуэты студентов, спешащих по своим делам, — Лора наклонилась вперёд.

— Вот тут, мам. Тут мы выйдем.

Шериф Фергюс притормозила у обочины, где свет фонарей был особенно ярким, будто специально очерчивал безопасную зону.

— Здесь, — повторила Лора. — Дальше мы сами.

Шериф Фергюс посмотрела на дочь, потом на Эвелин — на её напряжённые плечи, на то, как она держится за край сиденья, будто боится, что мир снова начнёт меняться прямо под ней.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но если что — звоните. Сразу. Не ждите.

Лора кивнула и открыла дверь. Свежий воздух ворвался в салон, смывая с них запах патрульной машины.

— Спасибо, мам, — тихо сказала она. — Мы будем в порядке.

Девушки вышли, и Лора закрыла дверь чуть аккуратнее, чем обычно, будто этим жестом хотела сказать: «Мы добрались. Всё хорошо». Машина ещё секунду постояла, давая им время отойти, а потом плавно развернулась и поехала обратно, растворяясь в темноте дороги, из которой они только что выбрались.

Эвелин стояла, глядя вслед удаляющимся огням, и только теперь почувствовала, как сильно у неё дрожат колени.

— Она... твоя мама, — прошептала она, будто проверяя, не исчезнет ли это слово, если произнести его вслух.

Лора вздохнула, будто только сейчас позволила себе немного расслабиться.

— Да. Шериф Фергюс. И да, она такая. Строгая, внимательная, не любит, когда я хожу по тёмным дорогам. Но она хорошая. Просто... делает свою работу.

Эвелин медленно кивнула, всё ещё переваривая этот новый слой реальности: женщина с пистолетом и звездой — и при этом мама.

— А ты... не боялась ей сказать? Про меня? Про легенду?

Лора пожала плечами, но в этом жесте не было легкомыслия.

— Боялась. Но ещё больше боялась, что ты сделаешь реверанс перед патрульной машиной, а она решит, что нас надо срочно везти в больницу. Так что... выбрала меньшее из зол.

На этот раз улыбка Эвелин получилась чуть шире.

— Значит, я должна благодарить тебя за то, что меня не увезли в больницу.

Лора усмехнулась.

— Именно. А теперь давай дойдём до общежития. Там тепло, там есть душ, и там никто не будет смотреть на твоё платье как на музейный экспонат.

Они пошли вперёд, мимо ярких витрин, мимо студентов, которые смеялись и что-то громко обсуждали, мимо запахов жареной картошки и кофе — в самый обычный, шумный, живой вечер студенческого городка. И пусть для Эвелин всё это было странным и пугающим, в нём теперь было одно важное отличие от темноты на холме и на просёлочной дороге: здесь рядом шла Лора. А значит, можно было делать шаг за шагом и не бояться, что земля уйдёт из-под ног.

Они вышли из машины шерифа, и тишина между ними была иной, чем на тёмной дороге у холма. Теперь она была наполнена городскими звуками: смехом, гудками, шагами, шелестом ветра — но для Эвелин всё сливалось в гул, сквозь который она пыталась разглядеть детали. Она шла чуть позади Лоры, не из страха, а чтобы всё рассмотреть. Вот витрина кафе с огнями, отражающими свет, и кажется, что внутри целый мир, где люди пьют кофе, будто не бывает ни пропаж, ни путешествий сквозь годы. Вот мигающая вывеска, будто хочет что-то сказать. Вот студент в толстовке, уткнувшийся в телефон, и Эвелин заметила, что смотрит на него с восхищением и недоверием, будто всё это не может быть настоящим.

Город не был ни добрым, ни злым — он жил. И в этом шумном, ярком мире ей нужно было найти своё место. Они шли в тишине, не неловкой, а дающей время выдохнуть. Но Лора чувствовала, что в этой тишине есть невысказанный кусок. Она остановилась у края тротуара, где свет фонаря падал ровно. Повернулась к Эвелин, подбирая слова, будто от них зависело что-то важное.

— Слушай, — тихо сказала она, голос её прозвучал ниже обычного, без бравады. — Извини за амишей. Я не знала, как оправдать твоё платье. Она дотошная. Проверяет всех моих друзей.

Эвелин нахмурилась, будто пытаясь понять, зачем эти слова сейчас.

— Но это ложь, — осторожно заметила она.

— Временная и вынужденная, — поправила Лора. — Пока лучше не светиться. Если она спросит твою фамилию, придумай какую-нибудь. Она может проверить. Если поймёт, что ты Эвилин Морган, всё станет сложнее.

Имя «Эвилин Морган» звучало странно среди витрин и фонарей, будто принадлежало кому-то другому.

— Ты помнишь, — прошептала Эвелин.

— Конечно, помню, — сказала Лора. — Про твой дом, семью, исчезновение. Поэтому лучше не светиться. Не потому, что я стыжусь или хочу спрятать. А потому, что если она начнёт копать, всё станет сложнее. Полиция, бумаги, вопросы… нам нужно разобраться со шкафом и вернуть тебя домой.

Эвелин медленно кивнула. Правила леди были для другого мира, а здесь нужны новые.

— Ладно, — тихо сказала она. — Если это поможет… я придумаю фамилию.

Лора чуть улыбнулась, будто ей было важно, что Эвелин не обиделась.

— Спасибо, — сказала она. — Это не навсегда. Пусть это останется нашим секретом.

И они пошли дальше. Эвелин больше не разглядывала город как картину за стеклом, а входила в него, позволяя ему становиться незнакомым. Мимо проплывали вывески, студенты махали друг другу, из кафе пахло корицей и горячим хлебом. Среди суеты было одно, что держало Эвелин на ногах: Лора рядом, в её молчании, извинениях и «пусть это останется нашим секретом» было столько надёжности, что этот чужой, яркий мир казался чуть менее пугающим.

Они шли дальше, и город понемногу переставал быть просто набором огней и незнакомых звуков — он становился маршрутом: поворот, фонарь, вывеска с треснувшей буквой. Эвелин вглядывалась в каждую деталь, ищу подсказку, как вести себя в этом мире. Подсказка нашлась у входа в общежитие: группа студентов высыпала из стеклянных дверей. Парни и

девушки шли плечом к плечу, кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то застёгивал куртку — без разделения на «эту сторону» и «ту». Эвелин замерла, и этот жест был почти незаметен: мир вдруг сдвинулся на полшага. В её мире 1915 года для женщин были отдельные входы и ряды в аудиториях, а за «неподобающее» общение могли отчислить. Здесь эти правила стёрли, и уважение теперь выглядело иначе. Лора заметила её реакцию и объяснила, что здесь учатся, живут, спорят, дружат вместе.

— В моём времени за такое могли бы сказать, что девушка забыла о приличиях, — прошептала Эвелин.

— А здесь приличием считается не прятаться друг от друга, а уметь разговаривать, не обижать, помогать, — ответила Лора. — Остальное мы придумываем заново.

Группа студентов прошла мимо, а Эвелин сделала ещё один шаг вперёд — к пониманию, что этот мир не хочет её обидеть. Она сказала, что попробует. Лора улыбнулась и ответила, что этого достаточно. Они подошли к дверям общежития, где пахло корицей и старым деревом. Внутри было тепло и шумно: кто-то спускался по лестнице, кто-то звал по имени, где-то хлопнула дверь. Этот гул показался Эвелин самым надёжным звуком на свете. Лора показала их комнату и сказала, что если ночью станет не по себе, она будет рядом. Эвелин кивнула в благодарность за обещание быть рядом, пока мир будет становиться чуть менее чужим.

Первый день в новом времени.

Эвелин лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к утреннему шуму общежития. В её голове всё ещё крутились воспоминания вчерашнего дня: встреча с Лорой, путешествие через время и странный разговор с её матерью-полицейским. Она боялась открыть глаза, опасаясь, что всё исчезнет, растворится в ярком утреннем свете.

Но знакомый скрип кровати заставил её вздрогнуть. Резко открыв глаза, она увидела Лору, которая, заметив её пробуждение, вскочила с постели. Что-то в том, как она была одета ко сну — в простую футболку и шорты, — было непривычным и почти шокирующим для Эвелин.

— Тише, тише, — прошептала Лора, заметив её испуг. — Это всего лишь я.

Эвелин почувствовала, как к щекам прилила краска. Вчера, уставшая и растерянная, она не обратила внимания на одежду своей спутницы, но сейчас, при ярком утреннем свете, контраст между ними был слишком очевиден.

— Прости, — пробормотала Лора, мгновенно поняв причину её смущения. Она поспешно завернулась в одеяло, словно пытаясь скрыть свою привычную для этого времени одежду. — Я не хотела тебя смущать.

Эвелин с трудом сглотнула ком в горле.

— Всё в порядке, — выдавила она, хотя внутри всё трепетало от осознания реальности происходящего. — Просто... всё это так непривычно.

Слеза скатилась по её щеке. Она не могла поверить, что это не сон, что она действительно перенеслась через десятилетия. Рядом с ней был человек из будущего, что мир вокруг изменился до неузнаваемости.

Лора осторожно присела рядом, не решаясь обнять её, но протянув руку в молчаливом жесте поддержки.

— Я здесь, — тихо произнесла она. — И никуда не денусь. Мы разберёмся со всем вместе.

Эвелин взяла её руку, чувствуя тепло живого человека из другого времени. Это было странно, пугающе, но в то же время давало какую-то опору в этом новом, чужом мире.

— Расскажи мне ещё раз, — попросила она, стараясь унять дрожь в голосе. — Как мы оказались здесь? Как ты поняла, что я не из вашего времени?

Лора мягко улыбнулась, понимая, что повторение истории поможет Эвелин принять реальность происходящего.

— Вчера ты выглядела растерянной, когда мы встретились. А потом я увидела твоё платье, твои манеры... Ты будто пришла из другого века. И когда ты упомянула 1915 год...

Эвелин прикрыла глаза, вспоминая вчерашний день. Всё казалось таким далёким и в то же время таким реальным.

— А теперь нам нужно решить, что делать дальше, — продолжила Лора, помогая ей подняться. — Сначала нужно переодеться — я приготовила для тебя современную одежду. А потом... мы отправимся в Ньюпорт, чтобы увидеть тот самый шкаф.

Эвелин кивнула, всё ещё не до конца веря происходящему, но уже чувствуя, как постепенно принимает новую реальность. Рядом с ней была Лора — человек, который не считал её сумасшедшей, верил ей и был готов помочь вернуться домой.

— Хорошо, — согласилась она. — Давай начнём с одежды. Но обещай, что будешь рядом.

Лора улыбнулась и протянула ей стопку одежды.

— Обещаю. Я никуда не денусь.

Лора задумчиво перебирала вещи в шкафу, пытаясь подобрать что-то подходящее для Эвелин. Она понимала, насколько тяжело девушке из начала прошлого века принять совре-

менную одежду, особенно после того, как Эвелин с такой грустью отреагировала на отсутствие длинных платьев.

— Послушай, — мягко начала Лора, держа в руках классические джинсы и светлую блузку. — Я понимаю, как тебе непривычно, но эти вещи очень удобные. Джинсы не стесняют движений, а блузка достаточно скромная.

Эвелин с сомнением рассматривала предложенные вещи. Её взгляд скользил по ткани, пытаясь представить себя в этом.

— Но это так... открыто, — прошептала она, указывая на длину джинсов.

— Это нормальная длина, — улыбнулась Лора. — Сейчас так все ходят. А если тебе будет некомфортно, можем надеть под блузку жилет или кардиган. У меня есть несколько.

Она достала из шкафа тонкий бежевый кардиган.

— Вот, посмотри. Можно носить его как жакет.

Эвелин осторожно взяла вещи в руки. Ткань была такой мягкой, непривычной. Она провела рукой по джинсам, чувствуя их эластичность.

— А как их... носят? — спросила она, немного смущаясь.

Лора улыбнулась, понимая её беспокойство.

— Давай я помогу тебе переодеться. И покажу, как всё правильно надевать.

Они переместились за ширму стоявшую в углу комнаты. Лора терпеливо объясняла каждую деталь: как застёгивать молнию на джинсах, как регулировать ремень, как надевать блузку.

Когда Эвелин наконец посмотрела на себя в зеркало, она не узнала себя. Современная одежда сидела на ней удивительно хорошо, подчёркивая стройную фигуру. Но в то же время она чувствовала себя почти голой.

— Ну как? — спросила Лора, стоя за её спиной.

Эвелин медленно кивнула, всё ещё не отрывая взгляда от своего отражения.

— Неплохо, — призналась она. — Хотя и непривычно.

— Это только начало, — ободряюще сказала Лора. — Скоро ты привыкнешь. А пока давай соберём волосы — так будет удобнее.

Она достала расчёску и собрала волосы Эвелин в аккуратный пучок, как носили многие современные девушки.

— Вот теперь ты готова к новому дню, — улыбнулась Лора, отступая на шаг, чтобы полюбоваться результатом.

Эвелин снова посмотрела в зеркало и, хотя всё ещё чувствовала себя чужой в этом образе, впервые за долгое время ощутила проблеск надежды. Возможно, этот новый мир не так уж неприступен.

Когда девушки вышли из комнаты, в коридоре их ждали Кристина и Салли. Эвелин застыла как вкопанная, её глаза расширились от шока при виде этой картины: темнокожая девушка в длинной юбке с вызывающим разрезом и белой девушки в откровенном топе и легинсах.

«О, девочки! Куда это вы так рано?» — пропела Кристина своим мелодичным южным голосом, не замечая потрясения Эвелин.

Эвелин инстинктивно схватилась за ворот своей блузки, её щёки вспыхнули. Она не могла оторвать взгляд от Салли, которая выглядела для неё как женщина в нижнем белье. Короткие волосы светловолосой девушки казались настоящим оскорблением всем устоям приличия.

«Кто... кто они такие?» — прошептала Эвелин Лоре, не в силах скрыть своё потрясение.

«Это мои подруги», — спокойно ответила Лора, пытаясь скрыть улыбку. — «Позволь представить: Кристина и Салли».

Эвелин едва смогла поклониться, её взгляд метался между девушками. То, что темнокожая Кристина держалась на равных с белыми студентками, было для неё настоящим культурным шоком. В её мире такое было немыслимо.

«А кто это с тобой?» — спросила Салли, не замечая внутреннего смятения Эвелин.

«Это Эвелин», — быстро вмешалась Лора, чувствуя нарастающее напряжение. — «Она недавно переехала к нам из общины амишей».

Эвелин с трудом взяла себя в руки, понимая, что должна соответствовать придуманной истории. Она сделала ещё один реверанс, хотя это казалось совершенно неуместным в такой обстановке.

«Очень приятно познакомиться», — выдавила она, стараясь говорить вежливо, хотя внутри всё кипело от противоречивых эмоций.

Лора, видя состояние подруги, быстро взяла ситуацию в свои руки:

«Девочки, мы очень спешим. Может, пообщаемся позже?»

Кристина и Салли переглянулись, но кивнули. Когда они вернулись в комнату, Лора закрыла дверь и повернулась к Эвелин:

«Я знаю, это было тяжело. Но мы справимся. Позже я объясню тебе все эти... особенности нашего времени».

Эвелин медленно кивнула, всё ещё находясь под впечатлением от встречи. Её мир перевернулся с ног на голову, но рядом была Лора — единственная константа в этом безумном новом мире.

Эвелин застыла на пороге нового мира, когда Лора вывела её на улицу. Её глаза расширились от изумления, когда она увидела этот чуждый, сверкающий мир. Огромные витрины магазинов, словно зеркала, отражали яркое солнце, а рекламные экраны двигались и переливались всеми цветами радуги, будто колдовские зеркала.

«Боже милостивый», — прошептала она, прижимая руку к груди, когда мимо пронёсся бесшумный автомобиль. Его гладкая поверхность и отсутствие привычного грохота мотора казались ей чем-то сверхъестественным.

Люди вокруг двигались как в лихорадочном танце: женщины в откровенных нарядах, мужчины, уткнувшиеся в светящиеся прямоугольники — смартфоны, которые для Эвелин были не иначе как порталами в другой мир. Она инстинктивно схватилась за руку Лоры, когда мимо пролетела бесшумная тень — электромобиль, казавшийся ей хищным созданием из ночных кошмаров.

Внезапно в небе появилась огромная металлическая птица — пассажирский самолёт. Эвелин побледнела и инстинктивно присела, закрывая голову руками.

«Он упадёт! — в ужасе прошептала она. — Это же против законов природы!»

Лора, стараясь говорить спокойно, потянула её к машине. Салон автомобиля показался Эвелин кабинетой космического корабля: кожаные сиденья, климат-контроль, который сам поддерживал комфортную температуру, и экран мультимедиа, реагирующий на прикосновения.

«Мы летим! — в панике воскликнула она, когда машина набрала скорость. — Остановите это!»

Но Лора лишь мягко улыбнулась и протянула ей бутылку воды в прозрачной пластиковой упаковке — ещё одно чудо, которое Эвелин не могла понять.

По дороге в Ньюпорт её глаза не переставали округляться от изумления: идеальные многополосные шоссе, огромные мосты, дорожные знаки, светящиеся не только ночью. Каждый поворот открывал новые чудеса этого странного мира, где металл летал по небу, машины двигались без шума, а люди носили на себе порталы в иные измерения.

Когда они наконец добрались до Ньюпорта, Эвелин чувствовала себя так, будто прошла через врата в иной мир. Её мир рухнул, рассыпался на части, но рядом была Лора — единственная нить, связывающая её с реальностью.

Эвелин вжалась в сиденье, крепко держась за ручку двери. Её глаза то и дело метались между дорогой и прохожими, которые казались ей существами из другого мира. Каждый раз, когда она пыталась приподняться, чтобы лучше рассмотреть происходящее за окном, её охватывал новый приступ тревоги.

Внезапно её рука случайно коснулась какой-то блестящей кнопки на двери. Стекло начало плавно уходить вниз, исчезая в недрах автомобиля. Эвелин замерла от ужаса, уверенная, что сломала что-то важное.

— О боже, я испортила твою машину! — воскликнула она, в панике оборачиваясь к Лоре. — Прости, я не хотела!

Лора мягко улыбнулась, стараясь скрыть своё удивление.

— Всё в порядке, — успокоила она подругу. — Это специальная кнопка для опускания стекла. Смотри, — Лора показала, как вернуть стекло на место с помощью той же кнопки.

Эвелин с недоверием наблюдала за тем, как стекло послушно возвращается на своё место.

— Это магия? — прошептала она, всё ещё не веря своим глазам.

— Нет, просто технологии, — рассмеялась Лора. — В нашем времени много таких удивительных вещей.

Эвелин медленно кивнула, но её глаза продолжали бегать по салону автомобиля, словно ища подвох. Каждый раз, когда мимо проносилась очередная бесшумная машина, она вздрагивала и крепче сжимала ручку сиденья.

— Не бойся, — тихо произнесла Лора, заметив её состояние. — Мы едем осторожно. В нашем мире машины умеют видить друг с друга, чтобы не сталкиваться.

Эти слова не особо успокоили Эвелин, но она решила довериться Лоре. Постепенно, через силу, она начала привыкать к этому странному способу передвижения, хотя каждый раз, когда они приближались к перекрёстку, её сердце замирало от страха.

Город за окном продолжал поражать её воображение: светящиеся вывески, люди в странных одеждах, летающие по небу металлические птицы — всё это казалось сном, от которого она никак не могла проснуться.

Шериф Фергюс вернулась в свой кабинет с твёрдым намерением разобраться в ситуации с Эвелин. Её профессиональное чутье подсказывало, что история с амишами — лишь прикрытие чего-то большего.

Она открыла систему поиска и ввела основные параметры:

* Имя: Эвелин
* Возраст: 17–19 лет
* Особые приметы: южный акцент, старомодная одежда, тёмные волосы
* Регион: Голдсмайнт и окрестности

Результаты поиска по базам данных пропавших лиц оказались пустыми. Ни одного совпадения. Это только укрепило подозрения шерифа.

Затем она обратила внимание на детали, которые заметила при встрече:

* Необычный южный акцент начала XX века
* Дорогое платье с фабричными пуговицами и кружевом — не похоже на одежду амишей
* Странное поведение и манеры

Шериф решила проверить исторические архивы. Ввела запрос:

* Эвелин
* Пропавшая без вести
* 1910–1920 годы

* Регион: южный

Через несколько минут система выдала результат — газетную статью 1915 года о пропаже Эвелин Морган, дочери сталелитейного магната. Описание внешности и фотографии из архива совпадало с девушкой, которую она видела.

Понимая, что дело принимает необычный оборот, шериф начала международное расследование:

* Проверила британские генеалогические базы
* Нашла информацию о семье Морган
* Выявила, что после смерти матери в 1921 году семья переехала в Великобританию
* Обнаружила современную наследницу рода — Нору Сандерс, праправнучку сестры пропавшей Эвелин

Теперь у шерифа появилась новая версия:

* Возможно, девушка — потомок семьи Морган
* Использует старинное платье как часть какой-то реконструкции
* Придумала историю с амишами, чтобы скрыть истинные мотивы

Она решила действовать осторожно:

* Не сообщать Лоре о своих находках
* Продолжать наблюдение
* Установить контакт с британской семьей Морган для дополнительной проверки

Шериф понимала — это дело выходит за рамки обычного расследования и требует особого подхода. Она была готова ко всему, но пока держала свои выводы при себе, продолжая методично собирать информацию.

Торговый центр «Голден Плаза» гудел, как улей. Кристина и Салли, держась за руки, шли между сверкающих витрин, обсуждая утреннюю встречу.

— Только мне показалось, что эта Эвелин какая-то странная? — спросила Кристина, разглядывая своё отражение в зеркальной витрине. — У неё такие тёмные, длинные волосы...

— Да, — задумчиво протянула Салли. — Но я бы не сказала, что она странная. Просто... отстранённая.

— Отстранённая, колючая, диковатая, — перечислила Кристина. — И эти её манеры... будто из другого века.

Девушки свернули к фуд-корту, где было меньше народу. Салли достала телефон:

— Может, спросим у Лоры? Она же не отвечает.

В этот момент к их столику подошла высокая женщина в форме шерифа.

— Привет, девочки, — улыбнулась она. — Не помешаю?

Кристина напряглась, но быстро взяла себя в руки:

— Здравствуйте, шериф Фергюс. Что привело вас сюда?

— Да так, решила пройтись, — уклончиво ответила женщина. — Кстати, слышала, что у Лоры появилась новая подруга.

Салли кивнула:

— Да, Эвелин. У неё такие красивые тёмные волосы...

— А откуда она приехала? — словно между делом спросила шериф.

— Из общины амишей, — ответила Кристина. — Кажется, из Пенсильвании.

Фергюс кивнула, будто что-то отмечая про себя:

— Интересно. А давно она в городе?

— Недолго, — быстро ответила Салли. — Кажется, всего пару дней.

Шериф достала блокнот:

— Девочки, вы не могли бы описать её внешность? Для протокола.

Кристина начала перечислять:

— Высокая, бледная, длинные тёмные волосы, старомодная одежда...

— Спасибо, этого достаточно, — перебила её шериф. — Если вдруг услышите что-то интересное про неё — дайте знать.

Когда женщина в форме отошла, Салли выдохнула:

— Что это было?

Кристина нахмурилась:

— Не нравится мне всё это. Слишком много внимания к новой подруге Лоры.

— Думаешь, стоит ей сказать?

— Позже. Сначала надо понять, что именно ищет её мама.

Кристина достала телефон и быстро набрала сообщение:

«Лора, что за дела? Почему твоя мама расспрашивает про Эвелин? У вас какие-то секреты?»

Сообщение отправилось, но ответа не было. Кристина только пожала плечами:

— Видимо, придётся ждать, пока она сама всё объяснит.

— Я не уверена, что стоит посвящать подруг Лоры в нашу тайну, — тихо произнесла Эвелин, нервно сжимая край кардигана. — Это слишком опасно.

Лора мягко положила руку на плечо подруги:

— Они могут помочь нам. Их помощь отвлечёт внимание моей мамы от нас. К тому же, нам нужно больше времени для поисков шкафа.

— Но если они узнают правду... — начала было Эвелин.

— Они не узнают если ты не захочешь, — перебила её Лора. — Ты можешь им доверять. Это поможет нам выиграть время и увести шерифа по ложному следу.

Эвелин колебалась, её взгляд метался между телефоном в руках Лоры и проходящих мимо их машины прохожих.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — Но только не сразу. И только если ты уверена в них. Я не хочу чтобы меня посчитали умалишонной.

Лора кивнула:

— Я уверена. Они хорошие подруги и помогут нам. А теперь давай договоримся о встрече. Нам нужно быть осторожными и продуманными.

Она набрала номер Кристины, и пока телефон звонил, Эвелин нервно расправляла складки на кардигане.

— Привет, — начала Лора, когда подруга ответила. — Что там у вас произошло с моей мамой?

Пока Кристина рассказывала о встрече с шерифом, Эвелин внимательно слушала, её лицо становилось всё более напряжённым. Когда подруга закончила, Лора быстро приняла решение:

— Девочки, нам нужно встретиться в Ньюпорте. В антикварной лавке на Бейкон-стрит. Там мы сможем поговорить без лишних ушей.

Эвелин подняла глаза на Лору:

— Ты уверена, что это безопасно?

— Да, — твёрдо ответила Лора. — Мы должны использовать все возможности, чтобы найти способ вернуть тебя домой. И их помощь может оказаться решающей.

Эвелин вздохнула, но кивнула в знак согласия. В её глазах всё ещё читалась тревога, но она понимала, что Лора права — им нужна каждая капля помощи, чтобы разгадать тайну шкафа и найти путь обратно в 1915 год.

Шериф Фергюс сидела в патрульной машине, задумчиво глядя на экран встроенного компьютера. Система только что выдала неожиданный результат по её запросу о родственниках Эвелин. На экране появилось досье:

«Нора Сандерс, 24 года. Праправнучка младшей сестры пропавшей Эвелин Морган. Проживает: Ньюпорт, Цветочная аллея, 267».

Сердце шерифа забилось чаще. Совпадение было слишком точным. Она сверила фотографии из архива 1915 года с изображением Норы — поразительное сходство. Те же тёмные волосы, те же черты лица, даже форма подбородка совпадала.

Не теряя времени, шериф направилась по указанному адресу. Спустя пару часов её машина остановилась у небольшого, но ухоженного дома в престижном районе Ньюпорта.

Звонок в дверь. Тишина. Затем шаги, и на пороге появилась молодая женщина. Нора. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, зелёные глаза, стройная фигура. На ней был серый вязаный свитер с одним открытым плечом и синие джинсы — вполне современный наряд, но что-то в её осанке, в манере держаться напоминало ту самую Эвелин из 1915 года.

— Чем могу помочь? — произнесла Нора с лёгким британским акцентом.

Шериф представилась, стараясь сохранять профессиональное спокойствие. Нора, проявив типично британскую вежливость, пригласила её войти и предложила чай. Отказываться было нельзя — чай мог стать отличным предлогом для продолжительной беседы.

Пока хозяйка дома возилась на кухне, шериф осмотрелась. Интерьер говорил о хорошем образовании и европейском вкусе. На полках стояли книги на нескольких языках, в углу — мольберт с незаконченным рисунком.

За чаем разговор пошёл в неожиданное русло. Шериф, стараясь не выдать свой истинный интерес, задавала вопросы о происхождении Норы, её связях с семьёй в Великобритании, о недавних поездках.

— Я действительно недавно была в Голдсмайнте, — неожиданно призналась Нора, помешивая чай. — Посещала могилу родственницы. Но это было неделю назад.

Чувствуя, как разговор уходит не туда, куда ей хотелось бы, шериф начала уходить от прямых ответов на вопросы Норы о цели своего визита. Её уклончивость только усилила любопытство хозяйки дома.

— Простите за любопытство, — наконец произнесла Нора, — но что именно вас интересует в нашей семье? Это связано с моей семьёй?

Шериф поняла, что зашла слишком далеко. Нужно было срочно менять тактику, пока Нора не начала задавать действительно опасные вопросы.

— Это часть закрытого расследования, — произнесла она, вставая. — Благодарю за чай и уделённое время. Я, пожалуй, пойду.

Нора проводила гостью до двери, и шериф не могла не отметить, как точно повторяются в ней черты той самой Эвелин, что пропала сто лет назад. Выходя, она уже знала — это совпадение не может быть случайным. И она обязательно вернётся с новыми вопросами.

Нора сидела в машине напротив исторического архива Ньюпорта, погружённая в свои мысли. Её не покидало странное чувство после визита шерифа Фергюс. Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Её взгляд то и дело возвращался к мигающей вывеске антикварной лавке напротив. Что-то в этой ситуации казалось ей неправильным, но она не могла понять, что именно.

Внезапно её внимание привлекла машина, припарковавшаяся рядом с лавкой. Из неё вышли две девушки. Одна из них была поразительно похожа на неё саму — те же тёмные волосы, тот же овал лица, та же осанка. Нора застыла, не в силах оторвать взгляд от незнакомки.

«Это невозможно», — прошептала она, наблюдая, как девушки входят в антикварную лавку.

Её пальцы машинально сжали руль. Кожа руля скрипела. Внутренний голос подсказывал, что эта встреча не случайна. Та девушка... она словно была её отражением.

Нора колебалась. С одной стороны, ей хотелось выйти и познакомиться с этой загадочной незнакомкой. С другой — что-то ей подсказывало, что лучше пока оставаться в тени.

«Что, если она тоже связана с историей моей семьи?» — эта мысль не давала ей покоя.

Она продолжала наблюдать за входом в лавку, но девушки не появлялись. Время шло, а Нора всё сидела в машине, пытаясь собрать воедино разрозненные кусочки головоломки.

«Может, стоит подождать?» — решила она наконец. — «Посмотрим, что будет дальше».

Её любопытство боролось с осторожностью, но пока осторожность побеждала. Нора понимала, что торопиться нельзя — слишком много странных совпадений происходило в последнее время.

Она достала телефон и открыла карту города, будто собираясь с чего-то начать, но её взгляд то и дело возвращался к входу в антикварную лавку, где скрылись две загадочные девушки.

Неожиданные открытия.

Нора сидела в своей машине напротив антикварной лавки потомков мага Даса и не могла оторвать взгляд от её двери. Несколько минут она колебалась, нервно постукивая пальцами по рулю. «Хватит прятаться», — наконец сказала она себе и, глубоко вздохнув, вышла из машины.

Её шаги по тротуару казались ей оглушительно громкими. Подойдя к лавке, Нора остановилась перед прозрачной дверью. Сквозь стекло ей была видна вся сцена внутри: девушка — поразительно похожая на неё саму, только чуть моложе — внимательно осматривала старинный шкаф, а вторая девушка, пришедшая с ней, держала в руках телефон и неспешно фотографировал этот загадочный предмет.

«Это невозможно... — пронеслось у Норы в голове. — Она выглядит как я. Как я на старых фотографиях из семейного архива».

Внутри лавки Эвелин вдруг повернулась лицом к двери — и Нора инстинктивно крутанулась на пятках, отвернувшись спиной к стеклу. Сердце колотилось так, словно она только что пробежала квартал. Она пыталась овладеть собой, глядя на тротуар под ногами, когда рядом раздался звук закрывающихся дверей автомобиля.

Две девушки, явно не заметившие её мгновение назад, шли прямо в её сторону. Нора не знала их и поначалу не придала их появлению значения — решила, что они просто пройдут мимо. Но они остановились.

— Смотрю, ты уже адаптировалась к нашей культуре, — произнесла Кристина не злобно, а с небольшим удивлением.

Нора замерла, растерянно глядя на незнакомку. «Адаптировалась? К какой культуре? Кто они такие?»

— Но эта одежда, — продолжила Кристина, оглядывая Нору с ног до головы, — делает тебя старше. В следующий раз бери с собой Салли, она поможет выбрать что-то более подходящее.

Салли только кивнула в знак согласия, добродушно улыбаясь.

Нора стояла и не могла понять, откуда эти девушки её знают и кто они такие. Слова звучали так, будто они давно знакомы, — но она видела их впервые в жизни. Уже готовая было спросить, кто они, Нора осеклась: Салли вдруг прильнула к стеклу лавки, и лицо её вытянулось от изумления.

— Кри-стина... — нервно выдохнула она, пытаясь ухватить подругу за локоть и развернуть к витрине. — Посмотри. Только... посмотри туда.

Кристина повернулась и тоже посмотрела сквозь стекло — на Лору и Эвелин, которые мирно изучали шкаф внутри лавки. А потом медленно, очень медленно перевела взгляд на Нору, стоявшую рядом с ними.

Обе девушки застыли, не в силах произнести ни слова.

Кристина пришла в себя первой. Не давая ни себе, ни остальным времени на раздумья, она решительно взяла Нору за руку и потянула к двери внутрь лавки.

Нора на секунду дёрнулась назад — инстинкт подсказывал бежать, — но сопротивляться показалось бессмысленным. Слишком много вопросов скопилось внутри, и ответы, кажется, ждали её по ту сторону этой двери. Она нехотя шагнула следом за Кристиной. Салли тихо замкнула шествие, прикрыв за собой дверь и словно отрезая Норе путь к отступлению.

Колокольчик над входом звякнул.

Эвелин и Лора, заметившие подруг ещё у витрины, стояли в глубине зала у старинного шкафа. Они не выходили наружу — и потому пока не видели третьей девушки, которая вошла следом за Кристиной, так как ранее стояла к ним спиной.

— Во что мы опять влипли? — выпалила Кристина, подведя Нору к подругам. — И кто эти девушки?Она развела руками, указывая поочерёдно на Эвелин и на Нору, — сходство между ними теперь, когда обе стояли рядом, было невозможно отрицать.

Эвелин впала в оцепенение. Она смотрела на Нору, как на своё отражение, вышедшее из зеркала и надевшее чужую одежду: те же тёмные волосы, та же форма подбородка, те же зелёные глаза — только взгляд чужой.

Лора же, напротив, не застыла, а ожила. Она медленно обходила девушек — то одну, то другую, — внимательно вглядываясь в лица, словно сравнивала детали: линию бровей, разрез глаз, изгиб губ. Нора инстинктивно вжала голову в плечи под этим вкрадчивым взглядом.

— Я... Я... — Лора запнулась, провела ладонью по волосам. — Не всё могу объяснить. Многого сама не понимаю. И это не моя тайна. Она слегка покосилась на Эвелин, будто извиняясь за эти слова.

— С самого начала, когда я только тебя увидела — ещё в общежитии, — я понимала, что будут проблемы, — продолжила Кристина. — А теперь появилась ещё одна, обращаясь уже к Норе, — произнесла она.

— Вы сёстры? — тихо произнесла Салли, разрывая тишину.

— Я так не думаю, — ответила Лора, выходя чуть вперёд.

В лавке повисла тяжёлая пауза. Пылинки медленно кружились в косых полосах света, пробивавшихся сквозь витринное стекло, а старинный шкаф за спинами девушек словно молчаливо наблюдал за тем, как вокруг него вновь собираются судьбы, которые он уже однажды переплёл.

Эвелин глубоко вздохнула.

— Хорошо.

Это прозвучало настолько громко, что все девушки вздрогнули и обернулись на неё. Даже продавец за прилавком на секунду поднял взгляд от своей бухгалтерской книги, но, поняв, что ничего необычного, лишь посетители галдят, снова опустил голову и продолжил заниматься своими делами.

Все девушки инстинктивно сделали шаг ближе к Эвелин, словно окружая её невидимым полукругом.

— Я не сумасшедшая, — произнесла она, выглаживая ладонью складку на юбке.

— Конечно нет, — отозвалась Лора и взяла её за руку, сжимая пальцы подруги в своих.

Кристина сложила руки на груди — она приготовилась слушать и уже заранее не верила ни единому слову. Нора нервно переводила взгляд с одной девушки на другую, будто пытаясь понять, кто из них главная в этом безумии. Салли беспечно надувала пузырь из жвачки; со звонким щелчком он лопался, и она принялась надувать следующий, продолжая жевать — этот привычный звук успокаивал её в нарастающем напряжении.

Эвелин ещё раз оглядела всех собравшихся. Её взгляд задержался на Норе — на этом странном отражении самой себя, только старше, — задержался чуть дольше, чем на остальных. Затем она перевела глаза на Лору. Та кивнула: мол, говори, я рядом.

— Меня зовут Эвелин, — сказала она и сделала паузу, будто собираясь с силами. — Эвелин Морган.

Взгляд Норы округлился. Сердце её пропустило удар. Она знала это имя. Знала слишком хорошо — семейная трагедия, о которой с горечью рассказывали на каждой семейной посиделке, история, ставшая семейной легендой. Та самая Эвелин Морган, которая пропала больше века назад.

— Эвелин? — почти прошептала Нора, но достаточно громко, чтобы услышали все девушки.

Неосознанно, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, она сделала несколько шагов вперёд и оказалась почти вплотную к Эвелин. Так близко, что могла разглядеть мельчайшие

детали: трещинку на нижней губе, родинку у виска — точь-в-точь как у неё самой, когда она смотрела в зеркало.

— Ты... ты... — голос Норы дрожал. — Правда Эвелин Морган?

Теперь все смотрели не только на Эвелин, но и на Нору. На эти два одинаковых лица, обращённых друг к другу. Кристина приоткрыла рот. Салли перестала жевать и держала жвачку за щекой.

Эвелин тихо кивнула — и, собравшись с последними силами, произнесла:

— Я из 1915 года.

Тишина, повисшая после этих слов, была такой плотной, что казалось, слышно, как кружатся пылинки в лучах света.

Девушки не спешили прерывать. Все слушали рассказ Эвелин, затаив дыхание.

Она рассказывала как есть: о том обычном вечере, когда, услышав шум снаружи дома, она открыла дверь — а на пороге стояла странно одетая девушка, назвавшаяся Лорой. О том, как она думала, что сходит с ума, когда дом оказался пустым и холодным, хотя ещё минуту назад везде горел свет. О том, как они с Лорой постепенно, обрывок за обрывком, пришли к невозможному выводу: Эвелин попала в 2026 год.

Когда Эвелин закончила, она молча подняла руку и указала на тот самый шкаф, который стоял чуть поодаль, в глубине лавки. Именно он — и никто другой — стал дверью между эпохами.

Но не всё оказалось просто. Владелиц лавки уже подошёл к девушкам и подтвердил: шкаф выкупило правительство Египта — частный коллекционер, разыскивающий раритеты, уговорил выставить его на аукцион, и ставку сделало египетское министерство культуры. Пока идёт оформление бумаг, шкаф просто хранится в лавке. Ещё пара недель — и его увезут. Поэтому медлить нельзя. Но что с этим делать — никто не понимал.

Первой заговорила Нора.

— Так... Так ты и есть та самая Эвелин. — Она сглотнула, не сводя глаз с двойника. — Моя семья не раз говорила, что я похожа на тебя, на фотографиях. Но чтобы настолько!? — Она покачала головой. — Я всё ещё не могу понять, как такое возможно.

Настал черёд удивляться Эвелин.

— Твоя семья? Похожи? — переспросила она, и в голосе её прозвучала какая-то дрожащая надежда.

Нора хотела было коснуться её руки — жест доверия, подтверждение того, что всё это не сон, — но Эвелин чуть отступила, сохраняя дистанцию. Заметив это, Нора замерла с поднятой рукой, а затем осторожно опустила её. Пауза растянулась на несколько секунд, и Нора начала говорить — тихо и бережно, словно неся хрупкую ношу:

— Моя прапрабабушка — Дейзи Морган.

У Эвелин почти остановилось сердце. Это имя — имя младшей сестры, которую она не видела уже целый век, — ударило в самое нутро. Больше не было ни дистанции, ни осторожности: Эвелин сама шагнула навстречу, взяла Нору за обе руки и, глядя ей в глаза, попросила:

— Расскажи мне о ней. Пожалуйста. Расскажи всё.

— Я как будто смотрю мексиканский сериал, — шёпотом произнесла Кристина на ухо Салли.

Салли только кивнула, в очередной раз лопнув пузырь от жвачки со звонким щелчком — отчего Эвелин вздрогнула. Салли виновато замяла жвачку за щекой.

А Нора уже начала свой рассказ — о Дейзи, о семье, о том, как её прапрабабушка возвращалась в Англию...

— Стоп. Стоп. — Кристина вдруг вскинула руку, перебив её на полуслове.

Все обернулись. Нора застыла с открытым ртом.

— Ей нельзя это знать, — Кристина понизила голос до заговорщицкого шёпота, но говорил она так горячо, что слышали все. — Если уж я что поняла из фильмов про путешествия во времени, то это то, что человеку из прошлого нельзя знать своё будущее или будущее своей семьи. Иначе всё может измениться!

Она ткнула пальцем в сторону Эвелин, потом перевела взгляд на Лору:

— По недосмотру Лоры Эвелин и так уже знает многое. И к чему это приведёт — мы не знаем. А судя по тому, что я уже услышала... — Кристина набрала воздуха, — Нора может уже не появиться на свет.

И только теперь она осознала, что только что произнесла.

Тишина упала на лавку, как топор. Салли замерла с жвачкой во рту. Лора побледнела. Нора медленно повернулась к Кристине — и по спине её пробежал холодок: «уже не появиться на свет»... Значит, сама она сейчас, вот эта вот, стоящая здесь с живым сердцем и бьющимся пульсом, могла просто... не случиться?

Кристина судорожно прикрыла рот обеими ладонями и замотала головой в разные стороны, что-то нечленораздельно бормоча сквозь пальцы. Слова «не появиться», «не родиться», «ой-ой-ой» вырывались у неё сквозь ладони мелкими обрывками.

— Кристина! — прошипела Лора. — Ты хоть понимаешь, что сейчас сказала?

— Я не хотела! — выдавила та, убирая руки от лица. — Оно само вырвалось! Мы же все думали об этом, просто я одна произнесла вслух!

Все взгляды медленно сошлись на Эвелин. Та стояла неподвижно, всё ещё держа Нору за руки, и смотрела на Кристину широко раскрытыми глазами. Она не всё поняла из этих странностей — «фильмы», «на свет появиться» — но общий смысл до неё дошёл с ледяной ясностью: что-то в будущем, где она сейчас оказалась, могло стереть эту девушку — девушку с лицом похожим на неё.

А Нора стояла, и её пальцы дрожали в ладонях Эвелин.

Кристина виновато перевела взгляд с Норы на Эвелин и обратно. Потом глубоко вздохнула, откашлялась и выпалила:

— Ладно. Я постараюсь объяснить.

Она подняла палец, указывая на Эвелин:

— Ты. По известной нам истории, пропала в 1915 году. Вследствие этого твоя семья перебралась в Англию.

«Вследствие этого» — произнесла она осторожно, нарочно не уточняя, что к переезду привела не только пропажа дочери, но и смерть мамы Эвелин. Кристина решила, что «бить» Эвелин такой фразой посреди и без того шаткого дня — жестокая затея. Эвелин уловила, что за «вследствие этого» что-то недосказано, но перебивать не стала, а только кивнула.

Палец Кристины переместился на Нору:

— А ты родилась уже в Англии, когда семья туда перебралась. Дейзи — прапрабабушка Норы и младшая сестра Эвелин — уехала с отцом, там выросла, познакомилась со своим будущим мужем, они поженились, у них родились дети. Эти дети выросли, встретили своих будущих супругов, у них, в свою очередь, тоже родились дети... — Кристина загнула пальцы, отсчитывая поколения, — и так звено за звеном — прабабушки, бабушки, мамы — цепочка дотянулась до родителей Норы. И тогда родилась Нора.

Она обвела девушек взглядом, убедилась, что все смотрят не отрываясь, и закончила, начертив в воздухе воображаемую линию:

— Смотри, как всё сходится. Ты, Эвелин, исчезла в 1915-м. Семья переживает пропажу дочери и уезжает в Англию. Дейзи там встречает своего супруга, рождаются дети, внуки, пра-

внуки, праправнуки, и в этой цепочке появляется Нора. Каждое звено держится на предыдущем.

Кристина развела руками:

— А теперь убери первое звено. Если ты, Эвелин, не исчезнешь в 1915 году — семья не переедет. Дейзи не встретит своего мужа. Не родятся её дети, не родятся их дети, кто-то из родителей Норы не родится... — она коротко выдохнула, — и Нора может не родиться. Вообще. Никогда.

Тишина в лавке стала звенящей. Нора медленно опустила взгляд на собственные ладони — те самые, которые секунду назад сжимали руки Эвелин. Пальцы вдруг показались ей чем-то нереальным. «Не появиться на свет» — эти слова из уст Кристины обрели теперь очертания и даты, логику и цепочку. Она — живая, дышащая, стоящая здесь — висела на нити длиной в сто с лишним лет, и держалась эта нить на исчезновении девушки, похожей на неё как отражение.

— То есть... — Нора сглотнула, — чтобы я родилась, ты должна исчезнуть?

Эвелин сама сделала шаг назад — впервые за весь день дистанцию держала она. Слова били в самое сердце: вся её дорога в 2026 год, весь этот невероятный день оборачивался тем, что кто-то очень родной для неё — пусть и рождённый на век позже — может растаять, если она вернётся или останется.

А Кристина, закончив объяснение, снова прикрыла рот ладонью и тихо добавила:

— И это я ещё ничего не знаю про то, что будет с твоей семьёй дальше, если ты в 1915-м живая и здоровая. Но, кажется, хватит на сегодня катастроф, да?

Кристина виновато перевела взгляд с Норы на Эвелин и обратно. Потом глубоко вздохнула, откашлялась и выпалила:

— Ладно. Я постараюсь объяснить.

Она подняла палец, указывая на Эвелин:

— Ты. По известной нам истории, пропала в 1915 году. Вследствие этого твоя семья перебралась в Англию.

«Вследствие этого» — произнесла она осторожно, нарочно не уточняя, что к переезду привела не только пропажа дочери, но и смерть мамы Эвелин. Кристина решила, что «бить» Эвелин такой фразой посреди и без того шаткого дня — жестокая затея. Эвелин уловила, что за «вследствие этого» что-то недосказано, но перебивать не стала, а только кивнула.

Палец Кристины переместился на Нору:

— А ты родилась уже в Англии, когда семья туда перебралась. Дейзи — прапрабабушка Норы и младшая сестра Эвелин — уехала с отцом, там выросла, познакомилась со своим будущим мужем, они поженились, у них родились дети. Эти дети выросли, встретили своих будущих супругов, у них, в свою очередь, тоже родились дети... — Кристина загнула пальцы, отсчитывая поколения, — и так звено за звеном — прабабушки, бабушки, мамы — цепочка дотянулась до родителей Норы. И тогда родилась Нора.

Она обвела девушек взглядом, убедилась, что все смотрят не отрываясь, и закончила, начертив в воздухе воображаемую линию:

— Смотри, как всё сходится. Ты, Эвелин, исчезла в 1915-м. Семья переживает пропажу дочери и уезжает в Англию. Дейзи там встречает своего супруга, рождаются дети, внуки, правнуки, праправнуки, и в этой цепочке появляется Нора. Каждое звено держится на предыдущем.

Кристина развела руками:

— А теперь убери первое звено. Если ты, Эвелин, не исчезнешь в 1915 году — семья не переедет. Дейзи не встретит своего мужа. Не родятся её дети, не родятся их дети, кто-то из родителей Норы не родится... — она коротко выдохнула, — и Нора может не родиться. Вообще. Никогда.

Тишина в лавке стала звенящей. Нора медленно опустила взгляд на собственные ладони — те самые, которые секунду назад сжимали руки Эвелин. Пальцы вдруг показались ей чем-то нереальным. «Не появиться на свет» — эти слова из уст Кристины обрели теперь очертания и даты, логику и цепочку. Она — живая, дышащая, стоящая здесь — висела на нити длиной в сто с лишним лет, и держалась эта нить на исчезновении девушки, похожей на неё как отражение.

— То есть... — Нора сглотнула, — чтобы я родилась, ты должна исчезнуть?

Эвелин сама сделала шаг назад — впервые за весь день дистанцию держала она. Слова били в самое сердце: вся её дорога в 2026 год, весь этот невероятный день оборачивался тем, что кто-то очень родной для неё — пусть и рождённый на век позже — может растаять, если она вернётся или останется.

А Кристина, закончив объяснение, снова прикрыла рот ладонью и тихо добавила:

— И это я ещё ничего не знаю про то, что будет с твоей семьёй дальше, если ты в 1915-м живая и здоровая. Но, кажется, хватит на сегодня катастроф, да?

Звенящая тишина заполнила антикварную лавку, наполненную старинными предметами. Каждая из девушек думала о своём: Нора — о нити своей жизни, висящей на исчезновении Эвелин; Эвелин — о сестре, которая теперь никогда не узнает, что праправнучка стоит перед ней живая; Кристина — о том, что болтать всё-таки опасно.

Нору вдруг осенило.

— Ко мне приходила шериф Фергюс. С расспросами о семье.

— Ты сказала — Фергюс? — переспросила Лора, и голос её натянулся, как струна.

Нора кивнула.

— Это моя мама, — тихо сказала Лора.

Нора рассказала все, так как запомнила. Остальные только слушали и кивали.

— Она и с нами общалась, — вдруг сказала Салли, наконец выплюнув жвачку в салфетку.

— Она что-то задумала, — сказала Лора. — Если мама начала «копать», то вскоре найдёт ответы. Она всегда находит. Всегда.

Эвелин перевела беспокойный взгляд с Лоры на остальных.

— И что же нам делать? — спросила она.

— Будем пускать по ложному следу, — ответила Лора.

И, сказав это, она сама не сразу поняла, насколько серьёзное только что взяла на себя обещание.

Шкаф. Шериф и новые идеи.

Договорившись с владельцем лавки, девушки получили разрешение аккуратно исследовать шкаф — под его чутким руководством. Санджай Дас следил за каждым движением их рук так трепетно, будто они ощупывали спящего зверя, и это была не поза: предмет с каждым годом становился всё ценнее, а через пару недель его и вовсе увезут в Египет.

Фотоаппараты телефонов защёлкали. Салли снимала резьбу с внешней стороны, Кристина — застёжки и углубления в карнизах, Лора методично обходила шкаф по кругу, стараясь не пропустить ни одной грани. Пару часов они изучали детали — осторожно, бережно, ничего не отодвигая и не поддевая.

И шкаф честно показывал себя — но не до конца. С одной стороны, он выглядел как добротный антикварный шкаф, каких в лавке десяток: старое дерево, потёртая фурнитура, благородная история в каждой царапине. Но стоило подойти ближе, и глаза разбегались: египетские символы, высеченные и выжженные по дереву, оплетали боковины и дверцы узором, который не сочетался с остальным стилем. А позолота — местами потёртая, местами ещё яркая — придавала этой странной смеси вид чего-то намеренного, а не случайного. Как будто кто-то очень хотел, чтобы в этом предмете было спрятано что-то больше, чем полки и двери.

Пока девушки кружили вокруг шкафа, Санджай Дас рассказывал его историю — ту, что передавалась в его семье из поколения в поколение.

Сам он был человеком приметным: лет пятидесяти, а может, пятидесяти пяти — возраст на таком лице угадать было трудно. Смуглое лицо, тёмные волосы с аккуратной залысиной на затылке, гладко выбрит, чуть полноват — и в одежде носил неуловимое смешение стилей Индии и Америки: яркая куртка поверх строгой рубашки, на шее тонкая цепочка с медальоном. Он говорил с мягким акцентом, неспешно, и от его рассказа пыльный шкаф в углу лавки начинал обретать голос.

Его предок — Чандра Дас — был иллюзионистом. В афишах той поры его называли «Великий Чандра Дас» или «Пандит Дас»; Санджай показал девушкам пожелтевший листок, где типографская краска почти выцвела. «Пандит», пояснил он, означает «учёный-мудрец» — и это слово придавало номерам на сцене ещё большую загадочность: публика с куда большей охотой верила в чудеса от человека с таким титулом.

А дальше — самое тёмное пятно семейной истории. В начале 1916 года Чандра Дас пропал.

Санджай развёл руками: ходили слухи, что он попросту сбежал. После одного из его фокусов на балу у губернатора в соседнем штате исчезла любимая собачка супруги губернатора — и гнев хозяев дома падал на фокусника. Санджай был уверен, что это всё только слухи. Никто никуда не пропадал. Собака могла просто убежать, а его предок, скорее всего, бросил семью и сбежал, испугавшись гнева губернатора.

— Семейная история, — сказал он, поджимая губы, — всегда отлакирована. Кто знает, что было на самом деле. Хорошо хотя бы, что шкаф потом вернули в семью. Он много лет провёл у чужих людей, и мы не сразу получили его назад.

Девушки переглянулись. «Пропал в начале 1916-го» — Эвелин исчезла в 1915-м. Между этими датами лежала какая-то связь, которую пока никто не произносил вслух, но все почувствовали.

И всё же самой большой ценностью за эти пару часов стало не фото и не семейное предание. На антресолях над шкафом, в пыльной папке, Санджай нашёл — и бережно вынул — чудом сохранившиеся чертежи. Самих рисунков, исполненных рукой самого Чандра Даса: чертежи этого самого шкафа. Со всеми элементами, пропорциями и секретами.

Он расстелил их на прилавке, и девушки склонились над пожелтевшей бумагой, на которой заострённым пером был выведен предмет, стоявший теперь в трёх шагах от них, — со всеми своими тайнами, которые автор когда-то знал наизусть.

Теперь девушкам предстояло решить, что делать дальше. Каждая новая находка — чертежи, история Чандра Даса, уезжающий в Египет шкаф — открывала больше загадок, чем ответов.

Нора первой нарушила тишину.

— Я хочу узнать больше о жизни Эвелин, — сказала она и, помедлив, добавила: — Приглашаю её к себе.

Кристина, не дожидаясь, когда кто-нибудь возразит, решительно кивнула.

— Тогда я еду с вами. — Она протянула Салли ключи от своей машины. — А то расскажешь что-то из прошлого, — она ткнула пальцем в сторону Норы, — и кто его знает, к каким последствиям это приведёт. Нам всем следует поменьше распространяться о том, как изменился мир с 1915 года.

Она строго посмотрела на Лору.

— А то, что Лора уже успела рассказать Эвелин... — пауза была выразительной, — или то что рассказал владелиц лавки я не могла его остановить, иначе пришлось бы рассказать всю историю. А Санджай явно не из тех, кто в такое верит. Он бы просто выставил нас из лавки, и мы потеряли бы доступ к шкафу. Надеюсь, никто из нас не пожалеет об этом.

— Всё это может привести к невероятным последствиям, — подытожила она, и в её голосе впервые за день не было ни капли весёлости.

Салли спрятала ключи в карман и драматично вздохнула:

— Значит, я одна скоро соскучусь по всему этому безумию. Ладно. Напишите, когда доберётесь.

Солнце уже клонилось к вечеру, когда Нора, Эвелин и Кристина вышли из лавки и сели в машину Норы. Найденные чертежи Санджай аккуратно завернул и дал девушкам на пару дней — при условии, что вернут их в целости и в полной сохранности. Лора поехала в общагу, а уже утром собирается, к маме-шерифу, опасаясь оставлять её без надзора на долго: ведь сегодня предстояло придумать, как пустить её по ложному следу, а у Лоры пока не было ни одной идеи.

Машина тронулась. Эвелин смотрела на освещённые витрины, мчащиеся мимо неоновые вывески, мчащиеся по дорогам тысячи машин — и всё это было одновременно прекрасно и пугающе. Но больше всего её занимал вопрос, который она так и не решилась задать:

— А сколько я, — Эвелин запнулась, подбирая слова, — сколько... ещё будет моё время? И что случится, когда шкаф увезут в Египет?

Дорога до дома Норы оказалась короткой. Нора вела машину — так как она жила в Ньюпорте. Кристина сидела рядом, нарушая тишину размышлениями вслух о том, что чертежи надо непременно рассмотреть подробнее, а Эвелин тихо устроилась на заднем сиденье и смотрела на стеклянные башни, пролетавшие за окном. Мир за стеклом менялся каждые десять минут, и Эвелин всё чаще ловила себя на мысли, что больше не удивляется. Это её и пугало: когда перестаёшь удивляться — значит, привыкаешь.

Лоре пришлось ехать дольше. А ещё в пути, по телефону, Лора договорилась с Салли: встретится с ней не где-нибудь, а у её комнаты в общежитии в Голдсмите. Строчить план в маленькой комнате под ушами соседей было неблагоразумно, но иного укрытия у Лоры не было — домой к Норе ехать с планом по саботажу маминого расследования было бы чересчур.

— Так как ты не хотела скучать одна — будем думать совместно, — объявила Лора, когда Салли плюхнулась на её кровать, закинув ноги на стул. — Одна голова хорошо, а две — уже мутант.

Салли фыркнула и достала новую пластинку жвачки.

Лора всегда пыталась шутить, когда нервничала. А сейчас нервничала она особенно: ей предстояло пустить по ложному следу не кого-нибудь, а собственную мать. Человека, который её растил, заботился, читал сказки когда была маленькой и кормила завтраком по утрам перед школой. Обманывать её было все равно что предавать — и Лора чувствовала это каждой клеточкой.

Но и Эвелин бросать она не собиралась. Думая о маме, Лора вспомнила её слова, повторяемые столько раз, что они вросли в семью, как запах в обои: «Если можешь оказать человеку помощь, и это не повлечёт уголовного наказания — помоги». Этому принципу мама учила её всю жизнь. Этому принципу Лора и собиралась следовать — просто теперь, для того чтобы помочь, приходилось обойти, единственный раз в жизни нарушить.

— Итак, — Лора села за письменный стол, придвинув к себе блокнот. — Что мы имеем. Мама начала копать. Она уже приходила к Норе с расспросами о семье. Значит, она ищет подтверждение, что Эвелин Морган — это та самая пропавшая девушка из 1915 года. Пока у неё, наверное, только совпадение внешности и странные вопросы. Но она шериф, Салли. Она не останавливается на совпадениях.

— Значит, ей нужна версия, которую легко проверить и которая её успокоит, — сказала Салли, раздумчиво жуя.

— Верно. И наша задача — подсунуть ей такую версию.

Лора раскрыла блокнот на чистой странице и вывела вверху: «Версии». Салли наклонилась через стол, и обе уставились на пустые строки, будто от того, что будет написано ниже, зависело всё.

Дом Норы оказался просторным — хотя, по правде говоря, значительно меньше того особняка, в котором выросла Эвелин. Нора открыла дверь, и Эвелин робко переступила порог, оглядывая светлую прихожую. Всё здесь было странным: гладкие стены без тяжёлых обоев и лепнины, точечные огоньки на потолке вместо массивной люстры, невидимо чистые окна — без единой полосы, будто их никто никогда не касался.

— Располагайтесь, это мой дом, — сказала Нора, а Кристина закрыла за ними дверь на лёгкий щелчок — ещё одна непривычная мелочь: замок, живущий своей маленькой жизнью в металле.

— Твой? — Эвелин обернулась, и её округлившиеся глаза остановились на Норе. — Ты хочешь сказать... дом твоего отца? Или твоего суженого?

— Нет, мой личный. Сама купила на деньги из наследства в прошлом году. — Нора начала улыбаться гордой улыбкой, но потом прикрыла рот рукой, посмотрела на Кристину: не сказала ли она опять больше, чем следовало? Кристина в ответ пожала плечами.

— Я только вступаю на путь покорения временных линий, — подала голос Кристина и тут же поняла, что шутка не попала: никто не улыбнулся, а Эвелин вовсе застыла, судорожно сжав пальцы в кулак.

В голове у Эвелин не укладывалось. Двадцать четыре года! Одинокая девица, без мужа, без поверенного, без одобрения главы рода — владеет целым зданием на собственное имя?

— Но как же... — пролепетала она, бледнея. — Мисс Нора, разве закон позволяет девице иметь такие дела без подписи джентльмена? И... прости мою дерзость, но где же твои люди? Кто готовит тебе обед и топит камины? Неужели тебя оставили здесь совершенно одну, без единой горничной?

Нора и Кристина переглянулись. Вопросы сыпались один за другим, и каждый был безобиден сам по себе — но вместе они складывались в картину, от которой Кристина поёжилась бы, знай она то, что знает Эвелин.

А Эвелин тем временем старательно охраняла своё лицо — так, как учили её с детства: дочь миллионера не показывает удивления, дочь миллионера делает вид, что видела всё. Но

взгляд выдавал её: он скользнул по аккуратной гостиной, пересчитал комнаты глазами, отметил отсутствие лестницы, достойной парадного приёма, отсутствие столовой на тридцать персон, отсутствие тех самых крыльев дома, где жила прислуга.

«Почему он такой маленький?» — мысль стучала в голове неприятнее всего остального. Пусть этот дом по меркам 2026 года был красивым, современным и наверняка стоил целое состояние — для Эвелин он был скромным до тревожности. И на свет ей прокралась горькая догадка: после отъезда семьи в Англию потомки Дейзи, должно быть, обеднели. Разорились, оскудели — как иначе объяснить, что представительница некогда одного из богатейших родов города живёт в коробке, где на весь дом и то две спальни, и ни одного слуги?

Она сдержалась и не спросила об этом вслух. Вежливость Эвелин Морган была лучше любой дипломатии. Но Кристина, наблюдавшая за ней исподтишка, прочла по её лицу почти всё — и предчувствовала драму, когда до Эвелин дойдёт, что в 2026 году богачи живут иначе. А особенно — когда она узнает, что «маленький» дом Норы стоил, вероятно, больше, чем весь её родительский особняк с бальными залами и гектарами садов.

Пока Нора заваривала чай, Эвелин могла только наблюдать. И это наблюдение само по себе было маленьким потрясением: хозяйка дома, дочь, как выяснилось, богатой семьи — сама наливает воду в невиданный блестящий прибор, сама достаёт чашки, сама заваривает чай. По меркам Эвелин это было чрезмерно: в её мире за это отвечали кухарка и горничная, а хозяйка лишь следила, чтобы к чаю подали варенье и бисквиты. Влить горячую воду из крана, повернув ручку, — да ещё воду, которая сама идёт горячей! — Эвелин опасалась даже помыслить. Что если у неё ничего не выйдет и она опозорится?.. Но сказать вслух она этого не могла — вежливость не позволяла.

Нора же тем временем успокаивала Эвелин словами — «садись, здесь всё просто, никто тебя не осудит» — и одновременно вполголоса совещалась с Кристиной: что можно сказать Эвелин, а что лучше придержать.

— Очень тонкая грань, — заметила Кристина, отхлебнув чаю из кружки с смешной надписью, которую Эвелин честно старалась не разглядеть. — Мы всё больше и больше погружаемся в неизведанное.

— И в этом неизведанном надо как-то выбирать, что говорить, — вздохнула Нора.

— Вот именно. Если бы могли прочитать, что можно, а что нельзя, — это очень облегчило бы нам ситуацию. А так — давайте в общих чертах, не вдаваясь в подробности. Что-то про мир расскажем, что-то — нет. Главное правило: ничего о её будущем и о судьбе её семьи. Ни дат, ни имён, ни событий.

— Значит, про машиную скорость и про электрический свет говорить можно, — прикинула Нора, — а про... — она запнулась и понизила голос, — про то, что было после 1915-го, нельзя.

— Про вой... нельзя, — тихо подтвердила Кристина и тут же поняла, что сама чуть не проговорилась, и раздражённо сморщилась. — Вот видишь? Даже я не удерживаюсь.

Эвелин сидела между ними с чашкой в руках и чувствовала себя слегка обделённой. Вокруг было столько нового, столько восхитительного и пугающего, а они двое — разговаривали о ней, рядом с ней, но как будто поверх её головы. Шептались, переглядывались, обрывали сами себя. Понятно было только одно: эти знания могли повлиять на её жизнь — и кто знает, в какую сторону.

Она поставила чашку и выпрямилась, как учили её за изящной словесностью: и получить ответы по-хорошему, надо попросить по-честному.

— Мисс Нора. Мисс Кристина, — сказала она ровным голосом, в котором всё-таки дрожала нотка. — Я всё вижу. Вы говорите обо мне, но не со мной. Я понимаю, что вы опасаетесь за что-то — за меня или за вашу подругу, я не знаю. Но я уже взрослая — простите, всё это время кто-то за меня решал. Сначала родители. Потом обстоятельства. Теперь — вы. Я не

прошу рассказывать мне всё. Но позвольте мне хотя бы знать, о чём мне нельзя спрашивать. Это ведь возможно?

Кристина и Нора переглянулись. Впервые за весь день Эвелин взяла слово сама — и теперь у неё было то самое спокойное лицо, с которым Морганы, вероятно, вели дела.

Нора села ближе к Эвелин и взяла её за руку — без предупреждения, вплотную, накрыв холодную ладонь своей.

Тело Эвелин отреагировало раньше, чем включился разум. Она не отдёрнула руку с криком — но мгновенно окаменела. Спина выпрямилась струной, дыхание перехватило, плечи приподнялись, словно она ждала удара. В её мире такое вторжение в личное пространство от едва знакомой особы — пусть и кровной родни — было нарушением всех мыслимых границ.

Голая кожа к коже. Без перчаток. Без благословения отца. Настолько близко, что она чувствовала тепло чужого тела. Викторианское воспитание, вбитое с пелёнок, требовало немедленно, ледяным тоном попросить мисс Нору соблюдать приличия и отойти. Даже её собственный отец никогда не позволял себе так просто взять дочь за руку — лишь сдержанно предлагал свой локоть на прогулках. Ей было дико, стыдно и... невыносимо нужно это прикосновение.

Она опустила взгляд на их руки. Пальцы Норы были короткими, с аккуратными ногтями без лака — и пугающе, до дрожи похожи на пальцы маленькой Дейзи, которой Эвелин ещё вчера — свой, вечный вчера — помогала застёгивать пуговицы на школьном платье.

— Эй... Всё будет хорошо, слышишь? — тихо сказала Нора. — Мы во всём разберёмся, обещаю. Ты не одна. Мы семья.

Борьба внутри длилась всего секунду. Эвелин не убрала руку. Но так и не смогла сжать пальцы Норы в ответ — её ладонь осталась лежать неподвижно, как фарфоровая, хрупкая деталь, которую сломает любое слишком резкое движение этого безумного, беспардонного будущего.

— Прости... — едва слышно прошептала она, и первая слеза наконец покатилась по бледной щеке. — В моём доме... за такое... нас бы сочли совсем лишёнными рассудка. Но, пожалуйста... не отпускай.

Нора бережно погладила холодные пальцы Эвелин — но в её глазах вдруг мелькнул страх. Только что у неё в голове родилась пугающая мысль, и она поспешила её высказать, пока не стало поздно:

— Эвелин... Слушай меня внимательно. — Она заглянула ей в глаза. — Я очень хочу рассказать тебе всё о Дейзи. О том, какими красивыми росли её дети, какой у неё был сад в Саут... Но я не могу назвать тебе ни одного имени, ни одного города. И ни одной даты.

Эвелин удивлённо приподняла брови, и южный акцент прозвучал растерянно:

— Но почему, мисс Нора? Разве это преступление — знать о судьбе родной сестры?

— В этом времени есть теория... — Нора сглотнула и посмотрела на Кристину, голос её дрогнул. — Если мы найдём способ вернуть тебя назад, в твой октябрь 1915 года и если попытаешься исправить историю. Если сделаешь так, что твоя семья не уедет в Англию из-за твоего исчезновения... Дейзи никогда не встретит моего прапрадедушку. А значит, моя мама не родится. И я... я просто исчезну. Прямо сейчас, на этом самом диване. Твоё прошлое — это ниточка, на которой висит моя жизнь. Понимаешь?

Эвелин испуганно перевела взгляд на их соединённые руки — словно боясь, что ладонь Норы начнёт таять и растворится в воздухе. Сама мысль о том, что её поступки могут стереть из бытия эту живую, тёплую девушку, сидящую рядом, сжала сердце ледяным викторианским ужасом перед высшим судом и законами природы.

— Господи... — прошептала она, бледнея ещё сильнее. — Значит, моя трагедия... была платой за твою жизнь?

Тем временем в Голдсмите, в комнате Лоры, шёл второй "фронт" операции.

Салли развалилась на кровати, жуя жвачку с усердием, достойным жвачного комбайна, а Лора сидела за столом перед блокнотом со словом «Версии» и пустой страницей под ним. Пустота смотрела на неё укоризненно.

— Ладно, — сказала Салли, выпуская пузырь и лопая его. — Что вообще можно рассказать шерифу, чтобы она отстала? Что Эвелин — дальняя родственница из Европы, приехала в гости?

— Мама проверит. Она проверит всё: визы, билеты, записи. Эвелин ведь даже документа нормального у нас нет, только то, что мы ей придумали. Любая проверка — и всё рухнет.

— Врать нельзя. Надо врать правдоподобно.

— Хуже. — Лора постучала ручкой по столу. — Надо врать так, чтобы мама сама не захотела копать глубже. Чтобы у неё был мотив не проверять, а наоборот — отступить.

Салли перестала жевать. По её лицу расползлось выражение человека, у которого в голове созревает что-то наглое до безобразия.

— А что если... не прятать сходство, а объяснить его?

— В смысле?

— Ну смотри. Маму смущает, что Эвелин — вылитая Нора, верно? Она уверена, что это Нора или родственница, и ты что-то скрываешь. А мы скажем ей правду. Почти. Эвелин — это Нора.

— Салли, это худшая идея в истории идей.

— Ещё не дослушала! — Салли села на кровати по-турецки. — Нора не просто похожа на Эвелин. Она — Эвелин. Только не в смысле «пришелец из 1915 года», а в смысле... шоу. Реконструкция. Исторический проект!

Лора медленно моргнула.

— Продолжай.

— Нора подписала контракт. С крупным брендом, телеканалом или стриминговым сервисом — неважно, главное, чтобы звучало солидно. Масштабное иммерсивное шоу-реконструкция: она неделю проживает в образе девушки 1915 года, в реальном городе, в настоящих костюмах. А скрытые камеры снимают реакцию прохожих. Смысл проекта — показать, как бы выглядел человек из прошлого в наши дни. Вот и всё сходство. Это не близнецы и не родство — это один и тот же человек в гриме и костюме!

Лора уже не писала — она строчила.

— А её поведение? Мама ходила к ней в Ньюпорт, а Нора притворилась, что не узнала её. Мама это заметила, она не дура.

— А вот тут самое вкусное. — Салли понизила голос, будто вокруг них уже расставили скрытые камеры. — Контракт. Условие неразглашения: пока видео не выйдет в сеть, Нора не имеет права признаться никому, что это постановка. Ни единой душе. Иначе — проект закрывают, а она выплачивает бренду безумную неустойку. Юристы, штрафы, суды. Это же суровая реальность, Лора. Блогеры реально живут с такими договорами.

— И тогда её странная речь, старомодные обороты... — Лора подхватила мысль. — Просто вхождение в образ. Двадцать четыре на семь. Продюсеры следят, чтобы она не выпадала из роли.

— А визит твоей мамы в Ньюпорт? Нора испугалась не шерифа — испугалась, что за шерифом могут наблюдать скрытые камеры или что кто-то из съёмочной группы заметит разговор. Признаться нельзя — штраф. Солгать нельзя — а вдруг проверят? Проще всего было сыграть незнакомку. Она просто спасала свои деньги.

Лора откинулась на спинку стула и посмотрела на блокнот. Вся страница была исписана, и в самом низу, в рамке, стояла выведенная жирным суть:

Эвелин = Нора. Реконструкция. Контракт о неразглашении.

— Это работает, — тихо сказала она, и в голосе у неё был трепет человека, который только что понял, что аврал может удастся. — Смотри: сходство — объяснено. Поведение и речь — объяснены. Почему она соврала маме в лицо — объяснено. И главное... — она подняла палец. — Маме незачем копать глубже. Наоборот: если она начнёт расспрашивать Нору о деталях контракта, она просто поставит девушку под удар. А мама не из тех, кто разрушает человеку карьеру из любопытства. Она переживёт. Она даже посочувствует.

— Значит, план такой: ты идёшь к ней с виноватым лицом.

— Готовым лицом, — поправила Лора. — Она меня под микроскопом разглядит. Я скажу: «Мам, ладно. Ты нас поймала. Прекрати расследование, иначе ты разрушишь Норе карьеру. Эвелин — это и есть Нора». И дальше — контракт, съёмочная группа, неустойка, релиз в сети.

— И финальный аккорд, — Салли подняла палец, как Кристина на лекциях. — Попроси её не говорить об этом Никому. Мол, даже упоминание в соцсетях — нарушение котракта. Так и слух не разойдётся, и мама будет носить тайну с гордостью. Шериф, хранитель корпоративной тайны.

Обе расхохотались — коротко, нервно, как смеются люди, которые слишком хорошо понимают, что затеяли.

Потом Лора посерьёзнела.

— Единственная проблема: всё это должно выглядеть как правда. Значит, нужны детали. Название проекта, который не существует. Бренд, который нельзя проверить... или который можно? Нет, лучше нельзя. И самое главное — сказать Норе. Это её ложь, её контракт, её неустойка. Она должна сыграть свою роль безупречно, если мама придёт к ней с проверкой.

— Позвони Кристине, — Салли легла обратно и закинула руки за голову. — Кажется, комитет по контролю за болтливостью сегодня перейдёт в режим тактического командования.

Лора взяла телефон и на секунду замерла перед экраном.

— А знаешь, что самое страшное? — сказала она, не отрывая взгляда от него. — Мне придётся врать человеку, который никогда не врал мне. И она мне поверит. Только потому, что я её дочь.

— Значит, так и сделаем, чтобы она ни о чём не пожалела, — ответила Салли.

Лора нажала кнопку вызова.

Девушки были на громкой связи — телефон Лоры лежал на столе между блокнотом и недоеденной пиццей, и голос Кристины гремел из динамика с энтузиазмом полководца накануне битвы.

— Эта идея сработает. Салли, у тебя креативная голова! — Кристина даже не попыталась скрыть восторг. — Почему мы сами до этого не додумались?!

— Потому что у нас не было повода врать твоей маме, — невозмутимо ответила Салли.

— Неважно. Слушайте дальше. Нам нужен Дэвид с его камерой и ноутбуком. Мы снимем несколько коротких роликов — и это будет наше «доказательство». Лора, ты должна привезти Дэвида сюда и захвати платье Эвелин. Завтра с утра вы с Салли едете к Дэвиду, а я позвоню ему и расскажу в общих чертах, что от него требуется. Не вдаваясь в подробности, разумеется.

— А почему «в общих чертах»? — спросила Лора.

— Потому что Дэвид — это Дэвид. — В голосе Кристины промелькнуло что-то неуловимо тяжёлое, как будто за этим именем стояла целая история. — Он мне кое за что должен. Вот и сочтёмся. Он всё сделает правильно и не будет задавать лишних вопросов. Потом все вместе приезжаете в Ньюпорт, к Норе. Мы пока тут подготовимся: Эвелин научит Нору нескольким деталям — насколько возможно за такой короткий срок. Походка, жесты, манера держаться, обращения. Если Нора будет «в образе» на камеру, в ней должно быть что-то настоящее, а не только костюм.

— А когда мы приедем? — уточнила Лора.

— Снимем несколько роликов. Дэвид потом выложит их в сеть с одного из рекламных аккаунтов — для подтверждения легенды. Пусть мама Лоры проверит нас хоть завтра, хоть через неделю: первая же ссылка в интернете всё объяснит ей лучше любых слов.

— Сработало, — пробормотала Салли с уважением. — Комитет по контролю за болтливостью официально перешёл в режим тактического командования.

— А как же, — вздохнула Кристина.

Эвелин всё это время сидела молча, сложив руки на коленях, и наблюдала. Кристина говорила быстро, уверенно, сыпля словами, которые для Эвелин звучали как заклинания из другого мира: видеокамера, сеть, аккаунт, рекламный, ролики, релиз... Она с трудом поспевала за ходом мысли — улавливала лишь общий контур: впереди какое-то представление, где её история будет спрятана внутри другой, выдуманной. «Как в театре, — подумала она. — Только зрителю не объявляют, где кончается пьеса и начинается жизнь».

Но глядя на Нору, которая сидела рядом, расправив плечи и подавшись вперёд, Эвелин видела в её глазах искру — ту самую, живую, упрямую. Так светились глаза маленькой Дейзи, когда она придумывала очередную проделку и тянула сестру: «Эвелин, ну пойдём, только смотри, никто не заметит!»

Какая странная штука жизнь. Человек что на против, далёкий родственник. А глаза — те же.

И только теперь, когда Кристина заключала: «Итак, завтра с утра — Дэвид. Вопросы? Отлично», — Эвелин позволила себе то, на что не решалась весь день.

Она слегка сжала руку Норы в ответ.

Нора на секунду замерла — а потом, не говоря ни слова, сжала в ответ крепче.

"Пыль в глаза."

Упомянутые в главе бьюти-практики 1915-х годов основаны на материалах из сети Интернет и приведены исключительно для создания художественной атмосферы. Информация может быть неточной. Пожалуйста, не пытайтесь повторять эти рецепты в домашних условиях во избежание аллергии или травм.

Раннее утро ещё не успело проснуться до конца — солнце только начинало размазывать по стенам общежития первые бледные полосы света, когда Лора и Салли постучали в дверь к Дэвиду.

Сначала за дверью послышался шум — что-то глухо упало, с грохотом покатилось, и приглушённое мужское «ой блин» дошло до девушек сквозь деревянную перегородку. Потом ещё полминуты возни, звяканье, и замок внутри наконец щёлкнул.

Лора мысленно готовила себе типичного ботаника: щуплый, очкастый, невысокий, наверное, в растянутой футболке с каким-нибудь сериалом на груди. Она оказалась права ровно в одном пункте.

Очки у Дэвида действительно были — узкие, в тонкой оправе, и он постоянно поправлял их пальцем, потому что они сползали. А вот всё остальное форму подписки на «ботаников» не подтверждало: ростом он был чуть выше Лоры, с короткими кудрявыми тёмными волосами и телом явно атлетического сложения. Сейчас — без малейшего стеснения — он стоял перед ними с голым торсом, придерживая дверной косяк.

Салли перестала жевать жвачку. Лора поймала себя на том, что уже секунду как разглядывает кубики его пресса, и попыталась изобразить максимально деловое лицо. Получилось процентов на сорок.

— Вы, должно быть... — начал он с хрипотцей — только что проснулся и это читалось в каждом звуке. Потом прокашлялся и продолжил: — Кх-кх... Должно быть, от Кристины.

Лора только кивнула, отложив изучение его рельефа на потом. Желательно — на неопределённо долгое потом.

Он чуть отошёл в сторону, предлагая зайти. Повторять дважды не пришлось.

Комната оказалась чуть больше, чем у Лоры, — или ей так показалось, потому что вниманием она уже владела другая её часть. Стена была уставлена мониторами — три, четыре, пять экранов, — и на каждом кипела своя жизнь: диаграммы, таблицы, графики, окна с кодом, что-то похожее на монтажную дорожку с бегущей звуковой волной. Комната выглядела как пульт управления маленькой частной разведкой.

— Кристина мне в кратце рассказала, что требуется, — Дэвид прошёл к столу, по пути натягивая футболку, и Салли едва заметно разочарованно выдохнула. — Надеюсь, после этого мы будем в расчёте?

Лора вышла из лёгкого ступора.

— Да. Да, конечно. Она так и сказала — что ты ей должен за прошлый раз. В детали она не вдавалась, — Лора склонила голову набок и поддалась любопытству, которое гнало её сюда с самого утра. — Но может быть, ты сам расскажешь?

Тут в разговор вступила Салли. Она с самого порога выбрала стратегию и теперь привела её в действие: прошагала ближе к Дэвиду, наклонив голову и глядя на него снизу вверх с той самой обезоруживающей улыбкой, от которой обычно сдавались даже преподаватели.

— Да-да, — подхватила она. — Мы бы вначале хотели услышать эту историю с твоей стороны. А то знаем мы Кристину — может не все детали рассказать. Так мы и не поймём, честный ты должник или ещё как.

Салли сделала ещё полшага вперёд. Дэвид машинально отступил — и не удержался: покочнулся и он с шлепком рухнул на собственную кровать, едва не снеся по пути настольную лампу.

— ...Это было не то, что вам может показаться, — сказал он, поправляя очки, которые сползли ему на кончик носа.

Салли довольно прожевала жвачку. Лора и Салли переглянулись: тактика «сближение и допрос» работала лучше, чем ожидалось.

— Ну что, — Лора присела на край стула, придвигая к себе сумку с платьем Эвелин. — Начинай с самого начала. С того, что Кристина, может утаить.

Дэвид вздохнул, сел на кровати и посмотрел на мониторы — будто ища в них поддержки.

— Ладно. Но если это попадёт в вашу «историю» — я вас лично найду.

— Начну с того, что наше с Кристиной знакомство тоже было не совсем обычным, — начал Дэвид, устроившись поудобнее на краю кровати. — Я тогда выглядел... несколько иначе. Был щуплым. Больше походил на ботаника, чем сейчас.

— Так ты и сейчас ботаник, — заметила Салли, устраиваясь на втором стуле.

— Спасибо, это комплимент. — Он поправил очки. — Все говорят, что внешность не важна. Но мы-то знаем, что это не так. Я тогда вообще удивился, что такая девушка, как Кристина, посмотрела в мою сторону.

— И что было дальше? — Лора подалась вперёд.

— Так вот. Я тогда снимал видео. Нет-нет, не подумайте ничего пошлого. — Он замахал руками. — Ролик для весеннего бала. Организаторы просили смонтировать фильм о вечере, а для этого нужны были интервью. И вот что странно: почти все проходили мимо камеры, как от неё отчисляли. Не желали светиться, стеснялись, отмахивались. А Кристина оказалась одной из первых, кто согласился на интервью. Ровно встала, посмотрела прямо в объектив и ответила на вопросы так, будто всю жизнь готовилась к этому кадру.

— Это очень на неё похоже, — кивнула Лора.

— Это было только начало. — Дэвид поднял палец. — Интервью было лишь частью сделки. Пока я крутил камеру, она расспрашивала меня — как будто это я был героем сюжета. Через неделю перезвонила и сказала: «Дэвид, у тебя хороший глаз и плохая осанка. Я знаю тренера». И всё. Никаких уговоров, никаких «надо бы тебе заняться собой». Просто констатация и телефон.

Он кивнул в дальний угол комнаты — и только теперь девушки заметили там несколько гантелей, аккуратно выстроенных в ряд по возрастанию веса, и скамью с полотенцем.

— Три месяца позора и боли, — продолжил он с улыбкой. — Первые тренировки я прополз, а не прошёл. Кристина приносила мне кофе после каждой и спрашивала: «Ну что, ботаник, ещё живой?» А потом я перестал быть ботаником, ой, то есть стал совсем другим. В общем, с тех пор я ей должен. Не деньгами — она от денег отказалась. Она сказала: «Ты заплатишь, когда понадобится, но это будет услуга».

— Драматично, — присвистнула Салли.

— А теперь представь её звонок сегодня утром. — Дэвид развёл руками. — Полвосьмого. Она говорит: «Дэвид, помнишь наш уговор? Нужна та самая услуга». И в двух словах: нужно снять ролики, выложить их с рекламного аккаунта и сделать так, чтобы никто никогда не задал ни одного вопроса о том, что это фикция. И что мы едем в Ньюпорт.

Лора и Салли переглянулись.

— Понятно, — медленно сказала Лора. — Ты ещё не спросил, что именно снимать, да?

— Уже спрашиваю. — Он повернулся к ним всем корпусом, и улыбка слезла с его лица. — Итак. Платье я видел — вы принесли его с собой. Кого вы собрались в него наряжать?

Машина ехала в сторону Ньюпорта — за рулём сидела Салли, а на заднем сиденье разместились Лора и Дэвид, у которого сумка с камерой и ноутбуком занимала почти столько же места, сколько человек. Дорога выдалась свободной, и девушки, пользуясь моментом, рассказали в кратце, что за видео им нужно.

С девушкой, которая будет в кадре, сейчас находится Кристина — и тренер по этикету начала прошлого века.

— Тренер по... началу? — переспросил Дэвид.

— Прошлого века, — как ни в чём не бывало повторила Лора, и только потом до неё дошло, как это прозвучало.

Дэвид промолчал. Вытащил телефон, поковырялся в нём, что-то глянул, вернул в карман. Лора украдкой посмотрела на него: он сидел с идеально нейтральным лицом человека, который не расслышал. Слишком идеально. Так не расслышивают — так делают вид, что не расслышали, чтобы потом, в правильный момент, спросить с самых тёмных глаз.

— Кристина как раз сейчас готовит Нору, — быстро продолжила Лора, переводя стрелку.

— Ну-у-у, — протянула Салли с водительского кресла, вальяжно крутя руль одной рукой. — Тогда рассказываю, что к чему, потому что это моя идея, а значит, я тут главная.

— С какого перепугу? — удивился Девид.

— С того, что авторство — это власть, Дэвид. Запомни, пригодится. — Она бросила взгляд в зеркало. — Итак. Нам нужны несколько проходок по городу. Короткие ролики, минут по пять, может, десять — чтобы выглядели как нарезки с серьёзного проекта, а не как студенческая сессия. В кадре — Нора. Снимаем три слоя. Первый: реакции прохожих, общие планы — люди оборачиваются, интересуются, фотографируют. Второй: реакции самой Норы на город. Третий — самый вкусный: Нора на объектах, которых не могло быть в начале двадцатого века.

— Например? — спросил Дэвид, поправляя очки в очередной раз.

— Например, светофор, автоматическая дверь, банкомат, Витрина с мобильниками. Мы ведём её по улице и снимаем, как она реагирует на всё это «в образе». Восхищение, недоумение, лёгкий испуг — это же идеальный контент для шоу про человека из прошлого.

— Смотри-ка. — Дэвид покачал головой с чем-то средним между восхищением и тревогой. — А легенда у проекта есть? Название, канал, куда это выкладывается?

— «Волна времени», — выпалила Салли, не моргнув глазом. Название родилось у неё по дороге, ещё на выезде из Голдсмита. — Исторический проект. Рекламный аккаунт, с которого пойдёт публикация, тоже на тебе.

— А финансирование? Кто, простите, платит за это шоу? — поинтересовался Девид.

— А вот тут. Есть нюансы. По идеи и платит бренд. — сказала Лора ровно. — Крупный. Который не любит, когда его называют до официального релиза, неустойки — ты вроде сам в этом понимаешь? — А на самом деле бюджет нулевой.

Дэвид несколько секунд изучал её лицо — так, что Салли подалась вперёд к рулю, будто приготовилась тормозить.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Даже слишком. Ладно. Если это то, за что мне Кристина однажды решила сменить имидж — снимем так, что шериф просмотрит ролики дважды и поверит во всё, кроме одного.

— В какое «одно»? — напряглась Лора.— В то, что это случайно снято на телефон. — Он раскрыл сумку и достал камеру. — Такие ролики должны выглядеть дорого. Значит, выглядеть они будут подозрительно. Так что будем снимать «как бы на любителя» — но по монтажу это будет лав-стори улицы и девушки в платье из 1915 года.

Салли в зеркале встретилась с Лорой взглядом. Никто ничего не сказал. Но оба взгляда читались одинаково: парень, который «не расслышал» про прошлый век, разом оправдал и гантели, и Кристину, и своё «снимем так, что никто не спросит».

До Ньюпорта оставалось минут сорок.

Тем временем в доме Норы с самого утра шли приготовления к съёмкам.Нора стояла перед зеркалом в спальне и расчехляла свою косметичку — с тем воодушевлением, с которым хирург достаёт инструменты перед операцией. На стол одна за другой легли палетка теней, тональный крем, тушь с силиконовой щёточкой, матовая помада цвета «пыльная роза» и блистательный, подозрительно похожий на освещённую стружку хайлайтер.

— Итак, — сказала она, поворачиваясь к Эвелин, — начнём с лица. Тут главное — тон. Смотри, наносится вот так...

Она потянулась к тюбику с тональным кремом, но Эвелин мягко перехватила её запястье — так, что спастись не было никакой возможности: то ли голодный кот вцепился в рыбу, то ли гувернантка в тетрадь по чистописанию.

— Боже упаси, Нора! — воскликнула Эвелин, с брезгливым любопытством разглядывая тюбик туши, как будто в руках у неё оказался пробирный камень из ювелирной мастерской сомнительной репутации. — Если ты нанесёшь эту сажу на глаза при дневном свете, любой джентльмен решит, что мы сбежали из бродячего варьете!

— Это не сажа, это тушь!

— Это сажа в очень удачной упаковке, — возразила Эвелин и, поймав своё отражение в зеркале, строго взглянула на Нору. — Леди не красится, Нора. Леди лишь подчёркивает здоровье. Краситься из пудры и румян — удел актрис, певичек из кабаре и дам полусвета. Приличная девушка должна выглядеть так, будто её красота — дар природы и крепкого здоровья. Что, между нами, было у меня в детстве едва ли не единственным даром, который я охотно разделяла бы с кем-нибудь ещё.

— Так, стоп, — Кристина, до этого молча наблюдавшая с дивана, не выдержала и прыснула со смеху. — То есть весь мой грим, все мои тени, хайлайтеры и туши — это по-вашему «театральный грим»?

— Не весь, — снисходительно сказала Эвелин и окинула взглядом разложенную на столе косметичку Норы с суровостью таможенника, обнаружившего в чемодане контрабанду. — Но большая часть — безусловно.

— А что тогда надевают на лицо приличные девицы?

— Ничего. И в этом вся прелесть. — Эвелин взяла Нору за подбородок и повернула её лицо к свету из окна. — Сейчас я научу тебя нескольким уловкам, о которых мужчины не догадываются. Первое: пудра. Если она есть — рисовая, ни в коем случае не плотным слоем. Её прихлопывают пуховкой и смахивают излишки, чтобы кожа была бархатистой, но чтобы никто не понял, что на ней есть пудра. Загар, к слову, тоже под запретом: загорают те, кто работает в поле. Мраморная бледность — признак породы.

— Значит, весь загар-индустрия, все эти солярии и автозагар... — пробормотала Кристина. — Шли не туда.

— Второе. Румянец. — Эвелин обернулась к Норе. — Покупные румяна — вульгарность. Но ходить бледной, как привидение, тоже не хочется. Поэтому: щипок. — Она продемонстрировала, крепко ущипнув себя за щёку, и на щеке расцвело розовое пятно. — Перед самым выходом к гостям. Кровь прильёт к коже — и румянец будет выглядеть стыдливым и естественным. А в уединении спальни — ватка с соком свёклы или клубники. Слегка втереть в скулы и на губы. Высыхая, сок даёт стойкий оттенок, и никто не догадается, что он есть.

Кристина села на диване прямо.

— Серьёзно? Бьюти-хаки 1915 года? Вазелин и свёкла? Да это же буквально органический тинт за ноль долларов!

— Не знаю, что такое «тинт», — строго ответила Эвелин, по-прежнему держа Нору за подбородок. — Но сейчас я научу тебя, как ущипнуть себя за щёки так, чтобы румянец дер-

жался ровно до прихода ваших друзей, и как держать спину, чтобы ты не выглядела как уставший грузчик из порта. Сядь прямо, Нора! И убери ноги друг с друга, ради всего святого!

Нора поспешно поправилась на стуле, сложив лодыжки. Руки она привычно свела на коленях, но одна всё-таки потянулась было в сторону кармана джинсов — и была немедленно поймана вторым взглядом Эвелин, сработавшим быстрее любого реагирующего на движение прибора в доме.

— Руки лежат на коленях, — сказала Эвелин. — Или держат веер. Или платок. Никаких размахиваний, никаких карманов. Джентльмены столетиями считали, что у леди вообще нет карманов — и в этом была их главная ошибка, но вернёмся к этикету. Спина не касается спинки. В 1915 году под платьем был корсет, и откидываться на спинку стула значило бы согнуться в дугу самым неаппетитным образом. Поэтому сидим ровно, на краю сиденья. Всегда.

— Это ужасно, — сказала Нора, но села ровно.— Это тренировка, — поправила Эвелин. — Теперь глаза. На ресницы — ни краски, ни сажи. Крошечная капля вазелина или касторового масла — на ресницы и веки. Взгляд станет влажным и глубоким, а ресницы — темнее и гуще, без единого грамда краски. А для особых вечеров, если мама не видит, — сожжённая спичка. Даём ей остыть и едва заметно проводим угольком по линии роста ресниц.

— Это... — Нора переваривала. — Это же как подводка для глаз!

— Как она называется, не важно. Важно, что выглядит благопристойно. — Эвелин наконец отпустила её подбородок и отступила на шаг, оглядывая свою ученицу с придирчивостью скульптора. — Духи — только цветочные. Фиалка, ландыш, роза, лаванда. Никакой пачули, никакой «амбры» и всего прочего, что пахнет, как будуар, где кто-то слишком долго засиделся. И ногти. Никакого цветного лака — ногти полируются замшевой подушечкой с розовой пудрой до зеркального блеска. Руки при этом не должны отсвечивать ни чем, кроме здоровья.

— Тонированный блеск для ногтей? — Кристина наклонила голову.

— То самое.— Господи, да в 1915 всё уже было. Просто без этих ваших брендов.

— Прошлый век без меня был бы невозможен, — спокойно заметила Эвелин, и Кристина впервые за день не нашлась, что на это ответить.Нора между тем сидела перед зеркалом уже с чистым лицом, с прихлопнутой бледностью, с единственной каплей вазелина на ресницах и с тем самым румянцем, который дала не косметика, а щипок. И она сама себя не узнавала — не столько внешне, сколько изнутри: спина, держащаяся ровно, лодыжки, аккуратно сложенные одна на другую, руки, лежащие на коленях с той самой плавностью, которую нельзя изобразить, пока не поверишь, что сидишь не просто так, а по канону.

— Кажется, я готова, — сказала она и на всякий случай поправила спину.

— Ты не готова, — возразила Эвелин, подходя ближе. — Ты сидишь как леди. Но улыбка... — она подняла палец. — В моё время не улыбаются во весь рот, обнажая зубы. Это признак глупости или невоспитанности. Улыбка — сдержанная, мягкая, только уголками губ. Вот так. — Она продемонстрировала — и на секунду в зеркале отразилось лицо, с которого Эвелин Морган, дочь стального магната, улыбалась гостям на балу, одновременно пряча за этим лицом всё, что она на самом деле думает о каждом из присутствующих.Нора попыталась повторить. Получилось с третьего раза.

— Лучше, — сказала Эвелин. — Но углы губ держи мягче. Ты не оскаливаешься. Ты позволяешь себе улыбнуться. Чувствуешь разницу?

— Чувствую, — пробормотала Нора. — Как будто я иду в гости к человеку, которого презираю, но не могу об этом сказать.

— Именно! — воскликнула Эвелин с той внезапной радостью, с которой учитель замечает, что ученик наконец понял тему. — Ты готова к 1915 году.

За окном — точно по расписанию, надёжнее любого будильника — заплясал свет фар. Салли подъезжала к дому с той манерой вождения, по которой её можно было узнать за квартал: половина дороги позади, вся нервная впереди.

— Они приехали, — Кристина выглянула в окно. — Дэвид уже выгружает сумку. Все вопросы за завтраком он задал ещё в машине и, кажется, решил не задавать больше ни одного.

— Значит, — Эвелин встала за спиной Норы, положила руки ей на плечи и выпрямила их на пару сантиметров выше. — Смотрим в зеркало. Нора — не Нора. Нора — Эвелин Морган, 1915 год. Спина, взгляд, улыбка. Всё, чему я тебя научила за одно утро, — соберись и держи. С этой мсъёмкии о конца этой как там её, съёмки, ты это я.

Нора встретилась с ней взглядом в зеркале и впервые за день улыбнулась так, как должна была улыбаться Эвелин Морган в 1915 году: мягко, уголками губ, без единого лишнего зуба.

— Господи, — тихо сказала Кристина с дивана. — Один и тот же человек. Даже маме Лоры не придётся ничего доказывать.

Примерка платья вышла на первый план — и не случайно. У девчонок не было театрального реквизита, никаких сшитых за ночь костюмов из портьер. Был только один подлинник: длинное зелёное платье Эвелин, то самое, в котором она была в злополучный день 1915 года.

Лора и Салли держали его на весу осторожно, растянув за плечи, — так держат не платье, а хрупкую паутину, способную рассыпаться от одного неосторожного движения. Шёлк глубокого, мшисто-изумрудного оттенка перетекал в руках волнами, и на нём не было ни одного следа века: ни пятна, ни потёртости, только вмятины от складок — память о том, как оно сто с лишним лет ждало своего часа.

— Только ради всего святого, не тяните за кружево на манжетах, — тихо попросила Эвелин, наблюдая, как Нора бережно просовывает руки в рукава. — Это ручная работа. Мама заказывала его в Новом Орлеане. И не бойтесь застёжек: оно домашнее, я сама справлялась с ним без помощи горничной.

Лора провела пальцем вдоль линии застёжек — обтянутые тканью пуговицы, спрятанные крючки на боку — и вдруг поняла, что держит в руках то, о чём даже не задумывалась: платье, которое надевает самостоятельно. Никакой горничной, никаких гардеробщиц. Одежда, в которой живёшь, а не работаешь на публику.

— А под ним корсет? — спросила она с плохо скрытым ужасом. — Мы сейчас будем вдвоём затягивать Нору, как голубя в рулет?

— Милосердный Боже, нет. — Эвелин поморщилась. — Под парадные наряды — да, там без второй пары рук и запаса терпения не обойтись. Но это домашнее платье. Под него шёл лёгкий корсет-пояс — застёгивается спереди, не требует никакой утяжки. Я взяла его из сундука. И туфельки — мягкие, на низком каблучке.

Последний крючок на боку защёлкнулся — и зелёный шёлк мягкими складками лёг по фигуре Норы.

В комнате повисла тишина. Даже Салли перестала звать жвачку и возиться со шпильками, которые разложила по столу.

Нора повернулась к большому зеркалу и замерла.

Зелёный цвет шёл к её коже и глазам так, будто платье сшили вчера и сшили именно для неё. Завышенная линия талии, летящий силуэт, кружевная отделка у горла — всё это не висело на ней, а росло из неё. Но пугало другое: в отражении стояла не современная девушка из 2026 года. В отражении стояла живая копия той самой пропавшей наследницы из пожелтевшей газетной вырезки. Только причёска иная. И взгляд — человека из двадцать первого века, который ещё не привык к тому, что на него смотрит девушка одетая в прапрапрабабушкинское платье.

— Обалдеть, — выдохнула Лора. — Нора, если бы моя мама сейчас вошла в эту комнату, она бы точно решила, что у неё галлюцинации. Ты выглядишь так, будто платье сшили на тебя вчера.

— Так и сшито, — сказала Эвелин ровно, но её пальцы слегка дрогнули, когда она подошла ближе и поправила кружевной воротник на плечах Норы. Она коснулась родной ткани, которая всё ещё хранила что-то неуловимое — запах старого дома в Алабаме, фиалковую пудру, лёгкий дымок от каминов и свечей. Ткань, пережившая целое столетие, всё ещё пахла её домом.

Она стояла за спиной Норы и смотрела на их двоих в зеркале — и на мгновение ей показалось, что она смотрит на саму себя. Та же фигура. Те же плечи. Та же линия талии. Только причёска иная — и взгляд принадлежал человеку, который видел то, чего Эвелин не довелось увидеть.

— У нас в доме все платья шились на заказ, — негромко сказала Эвелин, глядя на отражение Норы с грустной улыбкой. — У Дейзи свои, она ещё девочка — мама донашивала на неё мои старые наряды, только перешивала. — Она помолчала и провела ладонью по линии талии Норы. — А это платье мама заказала по моей фигуре, в Новом Орлеане. Поэтому оно село на тебя, как на меня.

Кристина, до этого молча стоявшая у стены, вдруг тихо проговорила:

— Так. Стоп. Я не могу больше делать вид, что это нормально. Вы обе понимаете, что сейчас происходит? — Она обвела комнату рукой. — Платье, в котором она исчезла сто пятнадцать лет назад, сейчас застёгивается на живом человеке. И сидит как влитое. Это уже не переодевание для видео. Это... — она запнулась, подбирая слово, — это что-то вроде передачи семейной реликвии. Только реликвия ещё живая.

— Не реликвия, — мягко поправила Эвелин, расчёсывая волосы Норы. — Платье. Оно носило меня, теперь носит её. Всё честно.

Она работала быстро и уверенно, как человек, который делал это тысячу раз — на себе, на Дейзи, на дочери повара, на подружках по пансиону. Пробор посередине, мягкие волны на висках, слегка прикрывающие уши, — и низкий, свободный узел на затылке, та самая «греческая» причёска, которая в 1915-м значила «я дома, и я себе принадлежу». Последним штрихом Эвелин повязала на узел тонкую шелковую ленту — изумрудную, в тон платью, вынутую из того же сундука.

— Готово. — Она отступила на шаг. — Смотри.

Нора посмотрела в зеркало — и на этот раз не отшатнулась.

— Теперь ты не копия, — тихо сказала Эвелин. — Теперь ты это я. Постарайся не разучиться ходить.

— Хорошо. — Нора кивнула.

— Вот и умница, — сказала Эвелин. — Итак. Теперь пройдись по комнате. Спина ровная, руки на коленях не прячем, улыбка — уголками. Покажи мне, чему ты научилась за одно утро.

Нора сделала шаг. Потом ещё один — плавный, без привычной влетевшей в её походку двадцать первого века спешки. Зелёный шёлк качнулся и улёгся на место, будто и не заметил движения.

— Неплохо, — сказала Эвелин, и в её голосе впервые за утро прозвучало что-то похожее на гордость. — Ты идёшь как Морган. Осталось только не споткнуться об этот безумный век.

Справедливо по обоим пунктам! И сразу признаюсь: Эвелин у меня в том фрагменте всё-таки была — она произнесла фразу про платье, и это как раз ошибка: если две одинаковые девушки окажутся в одной комнате с Дэвидом, легенда умрёт, не успев родиться. Значит, Эвелин нужно вывести до его появления — а её реплику отдать Норе, которая как раз «в образе». Исправляю целиком:

Дэвида в комнату не позвали. С самого утра он занял гараж Норы — единственное помещение, где стоял рабочий стол и имелось достаточное количество розеток, — и готовил камеру и свет. Сквозь приоткрытую дверь доносилось бормотание: он разговаривал с объективом, как пилот с диспетчером, — проверял фокус, двигал штатив, отматывал кабели и чертил в воздухе нечто среднее между монтажом и молитвой.

— Он всё время так разговаривает? — шёпотом спросила Салли у Кристины.

— Похоже, с камерами у него это единственный способ разговаривать, — так же шёпотом ответила она.

Наконец Кристина хлопнула в ладоши:

— Всё, финальный штрих. Эвелин — на второй этаж. Ты же понимаешь почему.

— Понимаю, — вздохнула Эвелин. — Две девушки с одним лицом — это уже не реконструкция, а сеанс одновременной игры в шахматы. Поднимусь.

— Это необязательно. — вдруг сказала Нора. — Мы можем одеть Эвелин парик и солнечные очки и чуть более мешковатую одежду. Парик у меня в шкафу в спальне, он остался с прошлогодней вечеринки длинный пепельно белый. Лора и Эвелин поднялись на верх.

— Дэвид! Образ готов! — крикнула Кристина. — Заходи, оценивай.

Он вошёл с камерой в руках — и остановился на пороге.

Сколько ни готовились к первому зрителю будущего ролика, никто не подготовился к первому зрителю живому. Дэвид смотрел на Нору три полных секунды — молча, что для человека, разговаривающего с объективами, было почти рекордом.

— ...Так, — сказал он наконец и поправил очки. — А в брифе Кристина упомянула, что актрису подбирали по сходству с архивным фото? Но, это же один в один с той девушкой с вырезки. Вы специально так искали, да? Кастинг — половина успеха проекта, я знаю.

— Именно так, — ровно сказала Кристина. — Кастинг удался.

— Судя по платью — успех двойной. — Дэвид обошёл Нору кругом, присел, разглядывая ткань, и покачал головой. — Я думал, фактуру шёлка придётся дотачивать в постпродакшне. Не нужно. Это выглядит как настоящая вещь, а не как качественная реплика. Кто шил?

— Платье семейное, — ответила Нора, и голос её прозвучал ровно и старомодно, без единого современного словечка. — Шилось не для съёмок, сэр. Шилось для жизни.

— Прошу прощения, мисс. — Дэвид даже слегка выпрямился. — Судя по посадке — шилось именно для вас.

— Мне пора начинать верить, что меня консультировало само время, — проговорила Нора с той самой сдержанной улыбкой уголками губ.

— Ладно. Пробные кадры. — Он поспешно уткнулся в камеру, словно пряча за ней растерянность. — Нора — то есть Эвелин, садитесь у окна. Салли, придержи отражатель слева и не попадай в кадр.

Нора села у окна ровно, на краю стула, сложив лодыжки и положив руки на колени. Дэвид навёл камеру, и в видоискателе возникла девушка в зелёном шёлке — мягкий узел на затылке, изумрудная лента, свет, ласкающий кружево у горла.

— Тишина, — сказал он тихо. — Снято.

Он опустил камеру и посмотрел на экран. Потом ещё раз. Потом поднял голову на Нору — и снова на экран, будто сверяя два экземпляра одного человека.

— Знаете что? — сказал он, поднимая взгляд на Кристину. — Если так пойдёт дальше, я наконец сниму что-то, что не стыдно будет показать. После это мы будем в расчёте? — уточнил он.

— Это самая честная валюта из всех, что мне предлагали, — сказала Кристина.

Свет, камера, мотор!

Как такового сценария съёмки продумано не было — вся команда погрузилась в две машины и поехала, как ехали в древности на завоевания: с воодушевлением и без плана. От дома Норы до центра Ньюпорта дорога занимала минут тридцать, и эти тридцать минут каждый провёл в своей собственной голове — так, что за один этот короткий путь можно было бы снять отдельный фильм о том, как много людей думает одновременно о совершенно разном.

Эвелин сидела на заднем сиденье рядом с Норой и смотрела на неё — не отрываясь, но так, как смотрят на пейзаж, который изучили наизусть, а он вдруг повернулся другим боком. *(Как странно. Лицо — почти моё. Изгиб бровей — мамина линия. А вот взгляд чужой: она смотрит на дорогу так, как смотрят в моё время только на кухню — когда не ждут ничего интересного. Сто лет всё изменили — а фигуры всё те же. Мама была бы довольна: платье село. Мама была бы в ужасе от того, что мы с ним делаем.)* Она осторожно одёрнула рукав мешковатой блузы, под которой скрыла зелёный шёлк и всю свою эпоху, и поймала себя на мысли, что седой парик ей... нравится. Не себе — а обязанности, которую он ей выдаёт: теперь можно смотреть куда угодно, и никто не спросит почему. За сто лет она впервые смотрела на улицу с правом быть незнакомкой.

Нора ёрзала на сиденье, стараясь не помять платье — Эвелин уже трижды напомнила, что шёлк «не жалуют складок, а складки шёлк». *(Съёмки. Ролики. Общий план, средний план, реакции прохожих... А если прохожие снимут меня на телефон и выложат? А если мама Лоры увидит эти ролики раньше Лоры? А если я перепутаю век и скажу в камеру «окей»? Стоп. Спина ровная. Уголки губ. Я — Эвелин Морган. Я — Эвелин Морган, я — Эвелин Морган.* — она мысленно повторила это три раза и на четвёртый едва не произнесла вслух.) Под ней шуршал шёлк, вокруг пахло фиалковой пудрой, и где-то на границе сознания Нора поняла, что уже не притворяется — или уже не понимает, где тут притворство.

Лора вела автомобиль и поглядывала то в зеркало на Эвелин, то искоса на Нору. *(Должно получиться. Иначе — просто не может быть. У нас платье подлинное, у нас консультант эпохи в седой бороде... то есть в парике, у нас оператор, который, кажется, снимает Бог весть что и Бог весть зачем. Если после всего этого мама не поверит — значит, я ничего не знаю о своей маме. А я о ней знаю всё. Поэтому получится.)* На светофоре она перевела дух и снова посмотрела в зеркало — Эвелин сидела, сложив руки, как на портрете из музея, и Лора отчего-то почувствовала себя шофёром, которому поручили везти саму королеву. *(Смешно. Она и есть.)*

Кристина была за рулём своей машины и поглядывала в зеркало заднего вида — на Дэвида, который, разложив на коленях камеру, ворочал её в руках, как драгоценный механизм. *(Он изменился. Сильно. В последний раз, когда я его видела, передо мной дрожал щуплый парень, который извинялся за то, что дышит рядом с камерой. А теперь он держит её, как продолжение рук. И говорит с людьми так, как будто он им ровня.)* В её груди шевельнулось что-то среднее между гордостью и лёгким стыдом — гордостью за дело, которое она сделала для него, стыдом за то, зачем она его сделала. *(Знаю, Дэвид. Ты не задашь вопросов, которых лучше не задавать. За это тебе и "платят". Извини.)*

Дэвид смотрел через объектив — и объектив был наведён не на Ньюпорт, а на Салли, сидевшую впереди у окна и что-то лениво пережёвывающую. Жвачку или мысль — по звуку не разберёшь. *(Почему я не встретил её раньше? Она же знакомая Кристины. Как мы вообще не пересеклись?! Кристина всех своих знакомых почему-то держит в разных карманах и никогда не смешивает. Хм. А она улыбается в камеру. Она улыбается не как актриса — а как человек, который заметил камеру и решил ей подмигнуть. Это редкий дар. Обычно надо несколько

месяцев учить актёров не изображать. А она...)* Он опустил камеру — и обнаружил, что они встретились взглядами через салон, и что улыбается уже не она одна.

Салли смотрела по сторонам и улыбалась, когда Дэвид направлял на неё видеокамеру. *(Кажется, я не всё продумала. Что это он всё улыбается? — думала она, глядя на Дэвида. Я наняла его — в смысле, согласилась на его услуги ради Кристины, — а не наоборот. Так почему у меня ощущение, будто я — съёмочный объект? А, ладно. Пусть улыбается. Улыбка у него хорошая. А камера — профессиональная. Если он снимет меня удачно, я потребую копию файла. Если неудачно — потребую вдвое, чтобы компенсировать моральный ущерб.)* Она поправила зеркало так, чтобы видеть его, и слегка выпрямилась на сиденье — не для осанки, а для кадра.

По маршруту до точки ехали без разговоров — но в этом молчание была собранность: каждая мысль в обеих машинах гудела, как провод под напряжением.

— Приехали, — сказала наконец Лора, прижимаясь к обочине в тени старого дуба, с которого Ньюпорт когда-то начинался. — Дальше — пешком. Дэвид, включай камеру. Мы вошли в 1915 год.

— В каком смысле? — уточнил Дэвид, щёлкая застёжками.

— В режиссёрском, — не моргнув глазом сказала Лора. — С этой минуты мы на съёмочной площадке века.

— Давай начнём возле этого дерева, — предложила Салли, подойдя к старому дубу и обводя его ладонью, как будто проверяла на прочность реквизит. — Нора будет выглядывать из-за дерева. Осматриваться. Для неё это новое место, и всё незнакомое. А ты, Дэвид, на монтаже наложишь звук более шумного города. Или усилишь окружающий. Такое возможно, Дэвид?

Дэвид оторвал взгляд от камеры.

— Ам... да, да. Это не очень сложно. — Он поправил очки и уже деловитее добавил: — Звук и правильный монтаж порой играют большую роль. Могу вообще сделать так: уберу современные шумы полностью и наложу стилизованную улицу — стук копыт, дальний трамвай, голоса. Будто звук идёт из её времени. Зритель такое обожает.

— Хорошо, но чуть сменим направление, скажем смени звук с начала двадцатого века на нарастающий шум двадцать первого века — сказала Салли и, проходя мимо, провела рукой по его плечу — легко, будто поправила несуществующую пылинку.

Дэвид на секунду забыл, зачем держит камеру. Потом вспомнил — и навёл объектив на дерево.

Салли оказалась умелым режиссёром. Она руководила процессом с той невозмутимой уверенностью, с которой обычно руководят либо очень талантливые люди, либо люди, ни секунды не сомневающиеся, что всё вокруг происходит по их указке, — и, как это ни удивительно, оба варианта в её исполнении выглядели одинаково убедительно. Она расставляла, отмеряла, считала «три, два» вместо «три, два, один» — «один лишний, всё зависают», — и флиртовала с Дэвидом и зазевавшимися прохожими в перерывах между дублями.

Дэвид всё больше на неё засматривался — но и про съёмку не забывал. Свою должность номинального и единственного оператора он исполнял исправно: камера работала, фокус ловил, дубли записывались. Просто теперь в кадр иногда попадал не только шёлк Норы, но и Салли, из её обычной жизни, — и Дэвид уже не мог точно сказать, какие кадры он снимает «для проекта», а какие — для себя.

Эвелин стояла в стороне — в мешковатаой одежде, пепельно-белом парике, с рукой, небрежно опущенной на ручку коляски, которую Кристина по дороге прихватила «для антуража» и которая теперь служила Эвелин одновременно укрытием, опорой и правом находиться тут без вопросов. Пока камера работала, она молчала. Но стоило Дэвиду опустить руку с камерой — как она уже была рядом.

— Подбородок, Нора, — шептала она, поправляя на лету. — Когда выглядываешь из-за дерева, не высовывай шею, как птица. Леди не высовывается. Леди *появляется*. Сначала шёлк платья, потом плечи, потом лицо. Пусть улица узнёт тебя постепенно.

— Вон там, — продолжала она, кивая на прохожих, — не смотри в их коробочки. Твоя Эвелин не знает что это.. Для неё это странные табакерки, которые люди носят у лица. Реагируй на людей — на шляпы, на голоса. Остальное — мебель.

Нора кивала, запоминала, и с каждым дублем в её движениях оставалось всё меньше двадцать первого века.

Лора с Кристиной следили за процессом — и параллельно несли оборонительную службу. Интересующихся прохожих в центре Ньюпорта оказалось ровно столько, сколько и должно быть в городе, где посреди дня ходит девушка в зелёном шёлке столетней давности. Подходили. Спрашивали. Доставали телефоны.

— Кто это у вас? Актриса?

— Шоу снимаете?

— А можно с ней сфотографироваться?

Лора и Кристина отвечали слаженно, как дублёрши одного текста:

— Это проект «Волна времени». Историческая реконструкция, — говорила Лора.

— Скоро на всех площадках, — говорила Кристина.

— Уточняющие детали — извините, бренд запрещает разглашение. — говорила Лора.

— Следите за новостями в сети, — говорила Кристина, и это была единственная строчка, которую она произносила с чистой совестью.

— А она настоящая? — спросила однажды пожилая женщина с сумкой и цепким взглядом, кивая на Нору, застывшую у витрины с манекеном в джинсах.

— Настоящая, — сказала Лора. — В этом весь смысл.

И это тоже была правда — просто не та, которую задавал вопрос.

Так и шла первая проходка: камера работала, Салли командовала, Дэвид снимал — проект и не только проект, Эвелин шептала поправки в перерывах, Нора всё увереннее носила на себе чужой век, а Лора с Кристиной отбивали атаки телефонов заготовленной легендой, не больше и не меньше.

К третьему дублю у дуба сложилось так, что Дэвид, просматривая отснятое на экране, вдруг присвистнул:

— Так. Смотрите. — Он протянул камеру Салли. — Третий дубль. Смотри, как она выходит из-за дерева. Она не играет, она смотрит. Это же не актёрский приём, это...

— Это талант, — закончила за него Салли, глядя на экран. Сново положив свою руку на плечо Девида.— Я говорила: кастинг — половина успеха.

— Это Кристина говорила.

— Я согласилась. Одобрение идеи — это почти авторство.

Дэвид посмотрел на неё. Салли посмотрела на него. Где-то на заднем плане Нора в образе медленно шла мимо витрины с мобильниками и не видела телефонов — потому что для неё их не было, а камера видела всё.

Пока команда ребят продолжала съёмку, в сеть попали первые видео от мимо проходивших зевак.

Первым выложил ролик студент с телефона, снятый боком и дрожащей рукой: девушка в зелёном платье выходила из-за старого дуба, будто улица ей снилась, и она наконец дождалась встречи. Подпись гласила: «В центре Ньюпорта снимают что-то странное». Ролик набрал первую тысячу просмотров за час.

Вторым было видео получше — кто-то снял уже со штатива, не дрожащей рукой: Нора у витрины с мобильниками, застывшая, с той самой сдержанной улыбкой уголками губ. Кто-

то третий снял, как она отступает на полшага от автоматической двери супермаркета, и дверь открывается перед ней сама — и она не идёт, она *позволяет* двери открыться.

К обеду слово «Ньюпорт» в местных группах писали чаще, чем слово «пробки». К вечеру ролики пересняли и перезалили на большие площадки, и количество просмотров пошло вверх уже само, без чьей-либо помощи. Комментарии росли вширь и вглубь: от «это лучшее, что я видел за год» до «очевидно же, блогерша с чужого города», от «у меня мурашки, это невозможно снято» до откровенного троллинга — «платье с маркетплейса, девочки, я нашла».

Шериф узнала обо всём этом так, как узнают обо всём в маленьком городе: помощник заглянул к ней в кабинет с телефоном в вытянутой руке.

— Мэм. Вы это видели?

Она посмотрела. Секунды полторы.

— Где снято?

— Центр. Сегодня утром, судя по свету. Говорят, снимают целый день, целая команда, камеры, всё как положено.

Шериф ещё раз посмотрела на экран — теперь внимательно, без той секунды снисхождения, с которой смотрят на чужие идеи.

— Спасибо. Закройте дверь.

Она осталась одна и пересмотрела ролики. Все. Потом ещё раз. Потом включила самый удачный — тот, где Нора выглядывает из-за дуба, — и поставила на паузу.

Так ли выглядит девушка в кадре, как та, что она видела собственными глазами?

Шериф была женщиной практики. Лица она запоминала, как запоминают номера: не по чертам — по целому. И целое совпадало. Та же посадка головы. Та же манера стоять — не поза, а осанка. В архиве, который она просматривала — неофициально, в порядке личной инициативы, о которой дочь просила её забыть, — на пожелтевшей фотографии 1915 года девушка стояла точно так же.

Совпадение — это ещё не доказательство. Шериф знала это лучше многих: за её плечами были десятки совпадений, которые оказывались совпадениями, и полдюжины, которые оказывались не ими. Разница между ними всегда была в деталях. И детали здесь были.

Деталь первая: дочь просила её не расследовать. Лора, которая с детства не умела врать — врать она не умела до сих пор, лицо выдавало её, как светофор, — вдруг попросила об этом спокойно, заранее, с готовым объяснением про амриш и киношную команду. Так не просят о мелочах. Так просят, когда заранее знают, что спросят.

Деталь вторая: сама история с амишами. Складная, удобная, поданная в нужный момент — как костюм, сшитый по мерке. Слишком по мерке.

И деталь третья — самая маленькая и самая громкая. Рекламные ролики. Загадочный бренд, который нельзя называть до релиза, канал, которого ещё вчера не было, — появились в ту самую неделю, когда в городе объявилась девушка из 1915 года. В её опыте случайность так не планировала своё расписание. Случайность вообще не умела попадать в расписание — за это её и звали случайностью.

Шериф откинулась в кресле и посмотрела в потолок.

И всё же — несмотря на просьбу дочери, несмотря на аккуратные объяснения, несмотря на то, что ролики смотрелись как хорошо сделанная реклама, — было в этой девушке нечто необычное. Не в платье. Не в причёске. В том, *как* она смотрела на автоматическую дверь. Актрисы смотрят на реквизит. Эта смотрела, как человек, который видел дверь, открывающуюся от толчка руки, — и впервые увидел дверь, которая открывается сама, от простого приближения.

Так не играют. Так учатся.

Шериф взяла телефон и набрала номер — дочери, «на случай, если съёмочной команде что-то понадобится». Помощь шерифа гражданскому проекту — законная, миролюбивая, совершенно невинная вещь.

Самая невинная вещь из всех возможных — и потому самая опасная.

— Алло, Лора? Это мама. Слышала про твой проект. — Пауза, в которой поместилось всё. — Красивые ролики. Мы с тобой должны поговорить.

Ближе к вечеру, уставшие и довольные результатом, все вернулись в дом Норы. Съёмочный день удался: три проходки, десятки реакций прохожих, один почти потерянный объектив (Дэвид нашёл его в клумбе и до самой дороги не объяснял, как он там оказался), и ощущение, что «Волна времени» из легенды стала чуть более настоящей, чем утром.

Было решено заказать пиццу.

— Две, — сказала Салли. — Одну с пепперони, вторую на всякий случай такую же. На случай, если первая закончится раньше, чем мы её начнём.

Весь съёмочный день Дэвид воспринимал Эвелин именно так, как ему было положено: консультант, нанятая для актрисы. Или просто очень странная, но несомненно талантливая девушка, которая феноменально разбиралась в истории — поправляла Нору с той точностью, которую не даст ни один архив, и делала это шёпотом, в полутьме и исключительно между дублями. Дэвид записал её в графу «профессионалы с причудами» — графа была у него давно и не пустовала.

Проблема началась, когда привезли пиццу.

Эвелин сидела на краю дивана — спина ровная, лодыжки скрещены, руки на коленях, — и смотрела на картонную коробку так, как смотрят на снаряд, который должен вот-вот взорваться. Когда Дэвид, зачерпнув самый большой кусок с тянущимся сыром, по инерции протянул его ей, она отшатнулась.

— Что это? — спросила она. Голос прозвучал ровно, но бледность сказала больше.

— Пепперони, — сказал Дэвид, не понимая. — Хотите?

— Я бы предпочла столовое серебро, — Эвелин подняла на него взгляд. — И тарелку. Есть руками из картонного ящика итальянский пирог я... не могу.

— Итальянским пирогом из картонного ящика, — медленно повторил Дэвид.

— Дэвид, разве у тебя дома не едят вилками? — выпалила Нора и умчалась на кухню — выручать легенду инвентарём.

Дэвид остался стоять с куском пиццы на весу. Он посмотрел на Лору. На Кристину. На Салли, которая вдруг занялась изучением потолка. На Нору, вернувшуюся с тарелкой и металлической вилкой — обычной, из кухонного ящика, ничем не примечательной, — и поставившей её перед Эвелин, как ставят приборы перед королевой.

— Эй, народ, стоп. — Дэвид положил кусок обратно в коробку и вытер пальцы салфеткой. — Съёмки закончены. Флешки у меня в рюкзаке, звук выключен. Я всё понимаю — метод, погружение, Станиславский и все дела. Но мы уже дома. Камеры выключены. Можно уже говорить нормальным голосом и просто поужинать? Без этого акцента и ужаса перед пепперони?

В гостиной стало так тихо, что было слышно, как гудит холодильник на кухне.

Салли прикусила губу. Кристина нервно поправила волосы. Лора посмотрела на Нору, Нора — на Эвелин. Переглянулись так, как переглядываются не в знак вопроса, а в знак уже принятого решения, которое каждому из них только предстоит проговорить вслух.

Дэвид переводил взгляд с одной на другую — и с каждой секундой понимания, что он единственный, кто не в курсе общего взгляда, становился всё тише.

— Он наш друг, Эвелин, — тихо сказала Нора. — И он уже по уши в этом деле. Особенно если мама Лоры начнёт задавать вопросы. Мы можем ему доверять.

Эвелин перевела взгляд на Дэвида. В её мире посвящать постороннего мужчину в семейную тайну было верхом безрассудства. Но этот день она прожила в его камере — в каждом удачном дубле, в каждом кадре, где её эпоха вдруг оказывалась красивой, — и в этом чужом, пугающем мире у неё почти не осталось союзников. Она смотрела на него — искреннее недоумение на молодом лице, толстовка, джинсы, очки, сбитые набок, — и не находила в этом лице ни одного признака, который вчера дала бы право не доверять.

Она медленно опустила ресницы и едва заметно кивнула:

— Если ты ручаешься за честь этого джентльмена, Нора... я согласна.

И сняла седой парик. Все это время маскировавший её.

Каштановые волосы рассыпались по плечам, и в комнате повисла пауза.

— «Честь джентльмена»? — Дэвид нахмурился, переводя взгляд с Эвелин на Нору и обратно. Одна и та же женщина. Близнец? — Да что с вами со всеми сегодня?

Лора тяжело вздохнула, села на подлокотник кресла и посмотрела ему прямо в глаза:

— Дэвид. Только не ржи и не крути пальцем у виска, хорошо. Эвелин — не консультант. И она не близнец Норы. Она... — Лора набрала воздуха, как перед прыжком. — Она реально попала сюда из 1915 года. Буквально пару дней назад. И она в жизни не видела пиццу, потому что в её время её просто ещё не существовало.

Дэвид моргнул.

Потом посмотрел на серьёзные лица Салли и Кристины. Потом медленно оглядел потолок, книжные полки, торшер и пространство за шторами — в поисках спрятанной экшн-камеры.

— Очень смешно, — неуверенно усмехнулся он. — Если это пранк над оператором, для бонусных материалов, то вы меня почти поймали. Почти. Где микрофон? В вазе? — Он заглянул в вазу. — Кристина, ну скажи им...

— Это не пранк, Дэвид. — Кристина уже достала смартфон, листая архив. — Смотри. Дата.

Она протянула ему телефон. На экране была пожелтевшая страница «Голдсмайт-Геральд» за октябрь 1915 года: «Пропала дочь стального магната...» — и фотография, на которой стояла девушка с прямой спиной и сдержанной улыбкой.

Дэвид смотрел на экран. Потом на Эвелин. Потом снова на экран. Родинка над левой бровью совпадала. Посадка головы совпадала. Всё совпадало.

— Монтаж, — сказал он, но голос уже звучал неуверенно. — Старые газеты ретушируют в четыре клика, я сам такое...

— Тогда объясни платье, — сказала Лора. — Которое ты сегодня снимал крупным планом. У которого ручные швы, кружево из Нового Орлеана. Двести двадцать лет дизайнеры костюмов в кино бьются, чтобы ткань «выглядела пожившей». Это платье не выглядело пожившим, Дэвид. Оно *жило*.

— А теперь вспомни её реакцию на дверь супермаркета, когда мы снимали и Эвелин случайно оказалась первой возле автоматической двери — мягко добавила Кристина. — И теперь на пепперони. Так не играют, Дэвид. Такому не учат в драмкружке. Это не актёрское мастерство.

Дэвид молчал.

Он был человеком камеры. Всю жизнь он отличал постановку от правды — это была его стихия, его зрение, его чутьё. И сейчас это чутьё подсказывало ему то, что: ни одной склейки, ни одной натяжки, ни единого слоя игры. Всё — по-настоящему. Ужас перед пиццей был настоящим. Осанка была настоящей. Газета была настоящей.

— Так, — сказал он. Голос сел. Он прокашлялся. — То есть... вы снимаете ролики про девушку из 1915 года, чтобы спрятать девушку из 1915 года. А я весь день снимал лучший документальный материал в истории кино, не зная, что он документальный.

— Ты выражался точнее, чем мы, весь день, — сказала Салли. — «Снимем так, что никто не задаст вопросов». Ты почти сам всё понял ещё в машине.

— Я *подозревал*, — обиженно сказал Дэвид. — Подозревать и знать — разные весовые категории. Я допускал что угодно, кроме... — он махнул рукой в сторону Эвелин, — кроме этого. Я допускал культ, секту, очень дорогой арт-проект. Не... это.

— Что именно «это»? — спросила Эвелин. Она сидела всё так же ровно, но смотрела на Дэвида с тем вниманием, с которым человек из другого века изучает своё первое доказательство себя.

Дэвид повернулся к ней — и впервые за день посмотрел не через объектив, а напрямую. Уже не как на «странного консультанта». Как на живое чудо истории, сидящее на краю дивана и не притронувшееся к вилке, потому что руки дрожали.

— Мисс Морган, — сказал он и вдруг неловко поклонился, не выходя из-за стола, — вы извините за то, что я весь день называл вашу роль «кастингом». Это было... лучшее, что я снял за всю карьеру. И худший мой профессиональный вывод.

— Почему худший? — спросила Эвелин.

— Потому что я смотрел на вас через камеру и думал: «какая великолепная работа с деталями». А оказывается, я смотрел на человека, который потерял целый век. — Он снял очки, протёр их краем толстовки и надел обратно. — Простите. Это было нечестно с моей стороны. Даже когда я не знал, что так. И как Нора. — он посмотрел на него. — Как Нора блестяще справлялась с этой ролью у него это в крови.

В гостиной снова повисла тишина — но уже другая: не тягостная, а та, что бывает, когда лодка приняла ещё одного пассажира и не пошла ко дну.

— Так, — Дэвид взял себя в руки и вернул деловой тон, который у него явно был аварийным запасом на такие случаи. — Резюме. Во-первых, я в деле. Полностью. Не потому что должен Кристине — теперь уже не только поэтому. Во-вторых — и это срочно, — ролики в сети набирают просмотры. Я их смотрел по дороге. Их уже переснимают и перезаливают. Значит, смотрят не только зрители. Значит, их смотрят люди, у которых вопросов больше, чем у меня, и инструментов для проверки больше, чем у меня.

— Мама, — тихо сказала Лора. — Она уже звонила. Днём. Я не взяла трубку — думала, после съёмок. Она звонила дважды.

Дэвид посмотрел на неё. Потом на камеру в своём рюкзаке — на все свои монтажные программы, луттаймы и цветокоррекции, которые сегодня он планировал потратить на рекламный ролик.

— Лора, — сказал он. — Твоя мама — шериф. Она не поверит в путешествия во времени по описанию. Но её можно убедить кадрами — если кадры правильные. А правильные кадры сниму я. — Он открыл рюкзак и достал ноутбук. — Поэтому давайте пока я не начал просматривать исходники и не потерял способность есть, рассказывайте всё с самого начала. С первого дня. С каждой детали. И, Кристина, — он поднял на неё взгляд поверх очков, — на этот раз без NDA.

Кристина улыбнулась:

— Договорились.

И только Нора заметила, что Эвелин, наблюдая за этим столом, впервые за два дня в этом веке улыбнулась — не уголками губ, как учили манерам, а по-настоящему, всей улыбкой, как улыбаются, когда стол вдруг снова полон.

Легенда.

Ранним утром раздался звонок в дверь.

Ребята на конуне просидели до поздней ночи — обсуждали, что им теперь делать с Дэвидом, с роликами, с мамой Лоры, — её звонок застал всех врасплох. Он был настойчивым, упорным. Не три вежливых нажатия вежливого человека — а уверенный ритм того, кто твёрдо знает: люди в доме есть. И просто не открывают.

Нора, как хозяйка дома, медленно, зевая, спускалась со второго этажа, на ходу пытаясь собрать в кучу волосы и вчерашний вечер одновременно.

— Кто там? — спросила она, положив руку на замок.

— Это шериф Фергюс. Я бы хотела поговорить с тобой и со своей дочерью, раз уж она тоже здесь.

Нора замерла. За её спиной, наверху, в гостевой комнате, спала девушка из 1915 года. Внизу, в гостиной, спали остальные четверо — и все четверо были в списке тех, кому сейчас следовало бы быть уже давно проснувшимися, позавтракавшими и в целом выглядевшими как невинные люди, живущие обычной жизнью.

— Да, да, шериф, — услышала она собственный голос. — Одну минуту.

Она отступила от двери и помчалась в гостиную — расталкивать полусонную Лору, которая спала на диване у окна. Салли спала на другом диване, Кристина — рядом, свернувшись под пледом. Дэвид спал в кресле у камина, наклонив голову на грудь, и даже во сне держал рюкзак с камерой — как обнимают не сумку, а часть себя.

— Лора. Лора! — Нора трясла её за плечо. — Вставай. Мама. Внизу. Сейчас.

— Ама... — Лора открыла один глаз. — Который час?

— Ранний. Вставай, это не сон и не шутка.

Салли, разбуженная шумом, подняла голову, оценила обстановку за две секунды — она всегда всё оценивала за две секунды — и молча показала большой палец вверх: ей понятна расстановка. Её отправили на второй этаж, к Эвелин, с короткой инструкцией: сидеть тихо, не спускаться, не отрывать от Эвелин парик до сигнала.

— Лучшая идея вчерашнего вечера, — шепнула Салли Норе, уходя. — Никто не мог предвидеть. Все почти не спали из-за неё.

Лора, продрав глаза, поправляя футболку и собирая на ходу лицо, открыла дверь.

Шериф стояла на крыльце, уже недовольно постукивая ногой. Руки сложены на груди — поза, которую Лора знала с детства и которая означала: разговор будет не коротким.

— Мама, — выразила удивление Лора. — Ты следишь за мной? Мне уже не пять лет, мам.

— Для меня ты всегда будешь ребёнком, сколько бы тебе лет ни исполнилось, — произнесла шериф. — И я не искала тебя специально. Ехала к Норе. Увидела машину Кристины и решила, что ты тоже тут. Не ошиблась. Но раз уж ты тут — я хотела бы услышать, почему ты не отвечала на звонки. Дважды.

— Я спала, — сказала Лора. Это было почти правдой.

— До десяти утра? После того как ваша съёмочная команда стала главной новостью города?

— У нас был тяжёлый съёмочный день.

— Я видела. — Шериф чуть склонила голову в сторону дома. — Издалека. На видео. Лора, ты не впустишь меня в дом?

Лора чуть опустила взгляд. Вот она, родительская суперсила, о которой в учебниках по психологии не пишут: мать умела убедить тебя, что ты в чём-то виноват, даже если ты не виноват. Лора всегда считала, что это влияние работы — двадцать лет подозревать всех и каждого вырабатывают голос, с которым врётся очень трудно. По крайней мере, ей.

— Проходи, мам.

Пока они беседовали снаружи, внутри дома шла операция по переходу на военное положение. Ребята, разбуженные Норой шёпотом и условиями перемирия, переместились на кухню — быстрым, согласованным потоком, как пчёлы, у которых объявили проверку улья. Кристина унесла с дивана плед и три кружки. Дэвид забрал со стола ноутбук и рюкзак. Нора прибрала со стола в гостиной бумаги — черновики, планы съёмок, распечатку статьи из «Голдсмайт-Геральд».

Когда Лора открыла дверь, впуская мать внутрь, гостиная выглядела как гостиная, в которой вчера, возможно, пили чай. Возможно, даже один.

— Чай? — спросила Нора, сияя самой гостеприимной улыбкой из имеющихся.

— Да, пожалуйста, — шериф вошла, сняла форменную кепку, оглядела прихожую, гостиную — без спешки, но с тем профессиональным темпом, с которым осматривают помещение в первый и, возможно, последний раз. — Вы мало спали, я смотрю.

— Монтируй... — начала Кристина, перехватив взгляд Лоры, — материал. Вчерашний. Дедлайны, сами понимаете.

— Понимаю, — сказала шериф и села в кресло — не то, где спал Дэвид, а соседнее. — Лора. Давай без предисловий. Я пересмотрела ролики. Все, которые нашлись. И у меня есть вопросы.

На кухне, за дверью, четверо замерли у стола. Дэвид, который ещё пять минут назад встал из кресла в гостиной, теперь сидел на кухне.

— Вопросы, — повторила Лора из гостиной. Голос звучал ровно — она специально взяла на полтона ниже обычного.

— Первый. Кто вас финансирует? — Шериф вынула блокнот — настоящий, бумажный, из форменного кармана. — Второй. Кто нанял актрису и по какому документу вы её оформили? Третьей, четвёртый и пятый вопросы будут потом — но они касаются девочки из роликов.

На кухне Дэвид тихо, одними губами, произнёс:

— Документы. Никто не думал про документы.

Кристина закрыла глаза. Она-то как раз думала. Думала всю ночь, а теперь понимала, что думала не о том.

В гостиной шериф тем временем поставила чашку на блюдце с тихим стуком, который означал: «следующий вопрос будет серьёзнее».

— Кто вас финансирует, Лора? Четыре подростка, рюкзак, штатив — и внезапно целый съёмочный день в центре города. Это деньги. У денег есть имена.

Лора открыла рот — и сказала то, чего не репетировала ни с кем, потому что и сама не знала до этой секунды:

— Частично — владелец ломбарда. А частично — историческое общество Ньюпорта.

На кухне стало очень тихо. Дэвид медленно повернул голову к Кристине, находящейся рядом, с выражением человека, который только что увидел, как его команда летит на планере в бездну.

Кристина уже не слушала дальше — она была занята. Точнее, была занята рука, которая двигалась, пока не двигалась мысль. Она придвинула к себе ноутбук Дэвида, отодвинула его недопитый кофе на безопасное расстояние и начала искать.

Почтовый адрес ломбарда. Почтовый адрес исторического общества. Шаблон письма. Прикрепить промо-ролики — те самые, вчерашние, ещё не смонтированные, но Дэвид выгружал нарезки по ходу дня, и в рюкзаке лежала флешка с сырым, но очень красивым материалом. Не фальшивым — это было единственное, что Кристина могла пообещать себе с чистой совестью: она отправляла не враньё, она отправляла то, что уже случилось.

Письмо ломбарду ушло в 10:47. Письмо историческому обществу — в 10:55. Написать несложно. Теперь было сложнее.

Она вышла на задний двор, закрыла за собой дверь — тихо, но плотно — и набрала номер владельца ломбарда.

— Мистер Дас? Здравствуйте. Это Кристина мы были у Вас не давно, интересовались старым шкафом с Египетскими символами. — Она говорила быстро, но без суеты. — Мне нужно предупредить вас о том, чего ещё не случилось, но возможно в скором времени произойдёт.

Она объяснила. В рамках того, что можно было объяснить: снимаем исторический проект, ролики уже гуляют по городу, ваш ломбард упоминается как площадка. Денег от вас не требуется — требуется разрешение на съёмку и одна фраза, если кто-то спросит. Да, кто-то может спросить. Да, скорее всего, спросит авторитетно и с блокнотом. Вы предоставили часть средств — это всё, что нужно подтвердить. В обмен — вывеска в кадре, реклама, на которую вы не потратите ни цента, и поток клиентов от канала, который мы запускаем.

— А почему я должен верить, что канал будет? — спросил мистер Дас.

— Потому что, — сказала Кристина, — если вы сейчас откроете телефон и посмотрите ролики про девушку в зелёном платье, то увидите, что их пересматривает уже больше людей, чем живёт в Ньюпорте. Считайте это бесплатной разведкой.

Разговор немного затянулся. Мистер Дас был человеком из той породы, которая просчитывает риски так же медленно и обстоятельно, как его прадед когда-то примеривал фурнитуру к ящику, который должен был держать тайну. Но Кристина знала ключ к нему: Дас не любили, когда решения принимали без них, — и потому она не просила, а сообщала о том, что решение уже почти принято, и последнее слово всё равно его. К полудню она победила. Он согласился — с оговоркой, что «средствами» это будет звучать лучше, если съёмка в ломбарде пройдёт в следующий вторник, и что он сам расскажет об этом матери, а не они.

— Вторник, — повторила Кристина, записывая. — Спасибо, мистер Дас. Вышлю вам ролики, посмотрите.

Дело оставалось за историческим обществом Ньюпорта.

Оно было сложнее. Ломбард — это человек, которого можно уговорить рекламой. Историческое общество — это совет из семи почтенных жителей, из которых минимум двое будут на любом городском собрании рядом с любым шерифом города. И записать в архиве общества заявку на финансирование — задним числом, за вечер до того, как шериф задала вопрос, — не выйдет. Бумаги в учреждениях любят официальные даты.

А ещё — и Кристина это понимала — общество было не самым неудобным. Неудобным будет то, что Лора сейчас сидит напротив профессионального допросчика и держит паузу, как стакан до краёв, — и от одного неловкого движения жидкость перельётся.

Она спустилась с крыльца и постояла ещё минуту во дворе, глядя на телефон. Одна половина легенды теперь имела подпись, дату. Дело оставалось за историческим обществом Ньюпорта.

Она нашла их номер в два касания — у общества был сайт с фотографией старинного особняка, номером телефона и часами работы, которые Кристина не смотрела, потому что не думала, что они ей понадобятся. Сайт был тёплый и пыльный, как пиджак из чужого шкафа: «Общество основано в 1908 году... Наш архив открыт для посетителей по будням...»

Она нажала «позвонить». Гудки шли долго — ровные, терпеливые, никого не ждущие. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Потом автоответчик с голосом, который читал расписание работы так, как читают надпись на закрытой двери: извиняющимся тоном, ни в чём не раскаиваясь.

Кристина сбросила. Позвонила ещё раз. Надежда — штука упрямая: вдруг человек просто отошёл к книжному шкафу и вернётся. Гудки опять отсчитали двадцать раз, и автоответчик опять вежливо отказался существовать.

У неё внутри уже начало подниматься знакомое, горячее, дежурное чувство «всё провалено, надо делать что-то немедленно» — руки сами тянулись открывать переписку, искать личные страницы членов совета, придумывать, кому из семи почтенных жителей можно написать утром, чтобы это прозвучало не как паника, а как вежливая инициатива, — когда она случайно взглянула на верхний край экрана.

10:52, воскресенье.

Кристина медленно выдохнула и опустила телефон.

Общество не брало трубку не потому, что что-то случилось, и не потому, что её ждали, а потому, что добрая половина Ньюпорта — все, у кого есть офисы, приёмные, архивы и расписание, — в этот час гуляла с собаками, жарила тосты и читала воскресные газеты. Мир не отвернулся от неё. Мир просто соблюдал распорядок недели, который существовал за сто лет до неё и будет существовать после, — и в этом вдруг было что-то странно успокаивающее: значит, шериф Фергюс этим утром тоже не сможет никуда позвонить и ничего проверить. Значит, у них с легендой появилось ещё несколько часов, купленных не хитростью, а календарём.

«Ладно, — сказала она себе. — Значит, понедельник. Письмо уже ушло. Останется только в понедельник вместо занятий нагрянуть в сообщество.

Она поднялась по ступенькам, мысленно уже расписывая понедельник: кто из совета отвечает за гранты, стоит ли прийти лично, и что надеть, чтобы выглядеть «доходно».

— Кристина? — Дэвид высунулся из двери. — Ну что?

— Две новости, — сказала она. — Дас согласился. А историческое общество закрыто, потому что сегодня воскресенье, и весь Ньюпорт имеет наглость жить по календарю.

В гостиной шериф записала обе организации в блокнот — ровным почерком, не торопясь, — и подняла глаза на дочь:

— Дас я знаю. Всю эту семью знаю, ещё со времён деда — они в городе с прошлого века, честнее многих. Проверю. Историческое общество тоже знаю — и знаю, что их совет в этом году денег ни на что не выделял, кроме ремонта архива. — Она выпрямила спину. — Но я всё равно проверю. Потому что моя работа — спрашивать и проверять.

— Мам. — протяжно сказала Лора. — Я же просила не расследовать это дело. Твоё вмешательство может только навредить и мы лишимся спонсоров. Ты мне обсолютно не доверяешь? — И да, я помню, но тот случай был единичным. И нашей вины с девочками там не было.

Шериф тяжело вдохнула. Сложила блокнот и ручку. Подняла взгляд на свою дочь.

— Видишь ли милая. — продолжила она. — Это одна из причин. Наш мир полон безумных людей готовых втянуть девушек в различные неприятности. Моя обязанность, в первую очередь как матери, во вторую уже как шериф, защитить тебя от все возможных опасностей. Мы с отцом не хотели бы, чтобы с тобой что-то случилось. Она встала и подошла к Лоре ближе. Обняла и поцеловала в макушку.

— Мам. Ну не при всех же. — Лола попыталась вяло отстраниться. Но это было только и напускное.

Шериф не подала виду и продолжила обнимать свою дочь.

— Вот появятся у тебя свои дети. Хотя лучше позже чем раньше. Тогда ты меня поймешь. Шериф ещё раз оглядела комнату. Попрощалась и вышла.

За завтраком Кристина держала вилку так, как держат контрольный лист, и смотрела в окно.

— Понедельник, — сказала она. — Историческое Общество открывается в десять. Выйти нужно пораньше. Каждый из Совета будет иметь мнение, и каждому нужно будет объяснить, почему мы — не городские сумасшедшие с видио камерой.

— Плюс, — тихо добавила Салли, — мама Лоры к тому моменту уже может дозвонится до них первой. Известия обычно едут быстрее ходаков.

Кристина открыла рот, чтобы сообщить, что у неё есть план, — и поняла, что плана нет. Есть письмо, отправленное, в котором сказано то, чего совет общества ещё не решал. Письмо которое можно отозвать. Совет — нельзя.

— Нужен человек внутри, — сказала она наконец.

Дэвид оторвался от тоста.

— Есть Курт, — сказал он так, будто это было очевидно всегда.

— Кто такой Курт?

— Курт Гримсон. Мы вместе учимся, с первого курса. — Дэвид загнул пальцы. — Друг. Богатая семья. И — главное — его мать сидит в совете исторического общества. Входит в него, на постоянной основе. Без неё туда можно прийти с петицией, подписанной хоть всеми бабушками Голдсмайта, и уйти не с чем.

Кристина отложила вилку.

— Ты хочешь сказать, что всё это время у нас был человек с «ключом от сейфа», а ты вспоминаешь об этом только сейчас, после визита шерифа?

— Ты не спрашивала, — обиженно сказал Дэвид. — У меня нет привычки перечислять знакомых вслух. Я, между прочим, до вчерашнего дня не знал, что вы прячете в доме гостью из 1915 года.

Кристина мысленно прогнала разговор с Куртом во все стороны — и в каждой из них упиралась в одну и ту же стену. Курт мог быть любым: шумным, скучным, честолюбивым, смешным. Но его мать была не просто «дверью к совету». Она была одним из тех семи человек, которым команда уже написала письмо, где говорилось о финансировании, которого не было. Если шериф дозвонится в совет раньше Кристины — «мы ничего не выделяли» прозвучит как приговор. Если в совет первой придёт Кристина — у неё будет шанс не получить отказ, а превратить отказ в правду.

— Дэвид, — сказала она медленно, — а ты можешь организовать мне встречу с Куртом сегодня?

— Сегодня воскресенье, — сказал Дэвид. — Он либо на тренировке. Либо у матери. Что нам было бы на руку.

Встречу с Куртом назначили, на двенадцать, — кофе у кофейни напротив колледжа. Дэвид позвонил сразу после завтрака, и разговор вышел короче, чем все опасались.

— Курт сказал: «Наконец-то ты чем-то интересным занялся», — пересказал Дэвид, убирая телефон. — И добавил, что видел ролики. Все видели ролики. Он спросил, правда ли, что девушка в зелёном платье существует.

— И что ты сказал?

— Что она существует, — сказал Дэвид. — Но скромничает.

Лора и Салли уезжали в колледж первыми — занятия пропускать было нельзя, и дело было не только в успеваемости. Пара, на которой её видели в последний рабочий день, стоила дороже любого алиби: дочь шерифа, сидящая на лекции, — это тишина в блокноте матери. Кристина собиралась ехать с Дэвидом — к Курту, а от Курта, если повезёт, к его матери. Эвелин оставалась с Норой.

Перед самым выходом Кристина задержалась на лестнице.

— Нора, пожалуйста, не рассказывай семейную историю в деталях, — сказала она. — Мы не знаем, как это повлияет на нашу реальность, если... — она оборвала себя на полуслове,

когда увидела взгляд Эвелин. Секунда — и взгляд Эвелин стал ровным, как стекло, за которым спрятано что-то очень старое. — ...когда. Я хотела сказать — когда Эвелин вернётся домой.

Эвелин не ответила. Она вообще плохо переносила этот жанр — разговоры о ней в третьем лице, при ней же, как будто она вещь из того самого шкафа. Но одно слово она всё-таки вычленила из общего фона, и оно «повисло» в комнате, когда все ушли.

— Она сказала «если», — произнесла Эвелин, когда за машиной закрылись ворота.

— Она оговорилась, — сказала Нора.

— В вашем веке так не оговариваются, — Эвелин помолчала. — Оговариваются, когда правда слишком тяжёлая, чтобы произнести её вслух. Я это знаю. Я тоже так делаю.

Нора не нашла, что ответить, и они пошли на кухню — заваривать чай, который, по опыту, лучше всего заменяет разговоры.

Машина тем временем ехала по дороги до Голдсмайта, а в ней Кристина вела с Дэвидом последний инструктаж.

— Итак. Что рассказываем Курту, — сказала она. — Вариант один: всё. Вариант два: ничего. Вариант три — который нам нужен.

— Рассказывай ты, — сказал Дэвид. — Я в его глазах всё равно свидетель, а не архитектор.— Тогда слушай легенду и поправляй, если я скажу что-то, что Курту не понравится. Мы — молодая студия. Исторический проект. Городские легенды, семейные истории, заброшенные места — жанр называется «оживление наследия», я это придумала час назад, но звучит правдоподобно. Ролики уже набрали охват, у нас есть спонсор и вторая площадка, — «вторая площадка» звучала солиднее, чем снимаем в ломбарде. — Нам нужно одно: официальное благословение Исторического общества. Не деньги — благословение. Приходит ли мама Курта на съёмки — вопрос второй, сначала нужна встреча.

— А про письмо? — спросил Дэвид. — Совету уже написано, что они нас финансируют. Когда миссис Гримсон прочитает это письмо, а она его прочитает, твоё «благословение» будет звучать немного нагло.

— Письмо — это и есть план, — сказала Кристина. — Как можно скорее слово «финансируют» должно перестать быть ложью. Я не собираюсь отрицать письмо, Дэвид. Я собираюсь его исполнить.

Дэвид посмотрел на неё искоса.— Знаешь, что самое странное? — сказал он. — Я почти понял, как ты живёшь.

— Разве это странно?

— Странно, что я начинаю считать это логичным.

Кофейня напротив колледжа ещё держала утренний пар, когда Дэвид поднял руку и помахал кому-то через стекло. Курт Гримсон оказался выше, чем его голос в трубке, и шире, чем позволял свитер с гордым логотипом клуба по гребли. Он пожал Дэвиду руку, оценил Кристину за две секунды — но с другой мотивацией — и спросил:

— Так. Значит, это всё-таки ты снимал. Девушка в зелёном. Половина колледжа ставила на то, что ты участвуешь. Другая половина, что там замешены большие продюсеры или ещё что-то. И вы не можете разглашать.

— Действительно не можем, — сказал Дэвид. — Но, кое что рассказать можно.

— И поэтому ты притащил мне... — Курт повернулся к Кристине.

— Кристину, — сказала она, протягивая руку и вкладывая в рукопожатие ровно столько уверенности, сколько нужно, чтобы рукопожатие выглядело как подписание соглашения. — Продюсер проекта, про который ты, судя по всему, уже знаешь достаточно много.

Курт заказал себе двойной эспрессо и что-то с карамелью, что по виду было больше десертом, чем напитком, и сел так, будто стол был его собственностью, временно одолженной городу.

— Итак, — сказал он, соединив пальцы. — Девушка в зелёном. Половина колледжа ставила на то, что вы продюсируете это для какого-то большого канала. Другая половина — что вы снимаете ритуальный культ. Я ставил на культ.

— Культ? — переспросила Кристина.

— Да. У культов всегда есть человек во главе.

Дэвид поперхнулся кофе. Кристина положила на стол телефон экраном вниз — жест, который она обычно использовала, когда хотела, чтобы собеседник понял: сейчас начинается деловая часть.

— Хорошо, — сказала она. — Экономим время. Ты хочешь знать три вещи: кто мы, что мы делаем и что с этого можешь получить ты. Отвечаю в обратном порядке.

— Неплохо, — сказал Курт. — Уже интереснее, чем лекции.

— Что получаешь ты: два варианта. Первый — я расплачиваюсь сразу. Это неинтересно, потому что у меня нет денег, которые стоили бы твоего времени. Второй — услуга в будущем. Мы оказываем тебе услугу позже, когда она потребуется. В рамках уголовного кодекса. Долг оформлен не бумагой, а дружбой.

Курт посмотрел на Дэвида. Дэвид кивнул — один раз, медленно.

— Второй, — сказал Курт. — Первый вариант приносит деньги, второй — силу. Деньги кончаются, силу — приятно держать. Теперь первый вопрос: кто вы.

— Молодая студия, — сказала Кристина. — Исторический проект. Городские легенды, семейные истории, заброшенные места — жанр «оживление наследия». Ролики набрали охват, у нас есть спонсор и площадка. Нам нужно от твоей матери одна вещь: официального благословения Исторического общества. Не деньги — благословение.

— А письмо? — Курт улыбнулся краешком рта. — Совет получил письмо, в котором написано, что вы уже под нашим патронажем. Мама читает почту общества, как разведчик перехваченные депеши. То письмо она перечитала дважды и уже звонила не в курсе ли я кто это такие, на встрече она будет задавать вопросы. Мне бы не хотелось быть вопросом.

Кристина сделала паузу — ровно той длины, какой делают паузы, когда правда и легенда меняются местами в темноте.

— Слово «патронаж» перестанет быть опережением, — сказала она. — Мы не врём о том, что будет. Мы чуть раньше, чем следовало бы, сообщаем о том, что сделаем. Если тебе спокойнее — можешь считать это распиской общества нам.

— О, — сказал Курт и посмотрел на Дэвида. — Ты не говорил, что она вот такая.

— Ты не спрашивал, — ответил Дэвид.

Курт отпил эспрессо, поставил чашку и вдруг стал говорить чуть медленнее — голосом, из которого исчезли шутки, как снимают лак:

— Условие. Одна услуга, как ты сказала. Но я назову её потом, а сейчас — в общих чертах. Мне не нужна «какая-нибудь съёмка», мне нужно, чтобы ты, когда я приду с просьбой, не смогла сказать: «это не входит в наши возможности».

— Ты хочешь, чтобы долг был подписан заранее, — сказала Кристина. — Это честно. И это опасно: я не соглашаюсь вслепую на услуги неизвестного содержания. Только в рамках УК.

— Тогда сузим, — согласился Курт. — Никаких вещей, никакой политики, ничего противозаконного и ничего против участвующих в съёмках проекта. Согласна?

Кристина мысленно перебрала всевозможные услуги в этих рамках и не нашла в них ни одной, которой побоялась бы. Потом — нашла: чем шире рамка, тем дороже она может стоить потом.

— Согласна, — сказала она. — В этих границах — да.

— Отлично. — Курт встал, допил эспрессо и сунул руки в карманы свитера. — Мама. Это самая сложная часть, предупреждаю сразу. Она не любит, когда к ней приходят «с проектом». Она любит, когда к ней приходят «с историей». Поэтому вам стоит решить, какая именно

история у вас есть, и довести её до гладкости. Она будет задавать вопросы про то, чего у вас нет, и ждать, что ты не побледнеешь. — Он задержался у стола. — Приезжайте к четырём. Дом на Каштановой улице, тот, что с оранжереей. И, Кристина...

— Да?

— Одевайся так, будто благословение тебе действительно нужно, а не так, будто ты его выдаёшь.

Когда за Куртом закрылась дверь кофейни, Дэвид долго смотрел в окно.

— Он знает больше, чем показывает, — сказал он наконец. — Или меньше, чем догадывается. Я не могу решить.

— И то, и другое сразу, — сказала Кристина, убирая телефон в карман. — Это делает его идеальным союзником. Союзник, который всё знает, — опасен. Который ничего не знает, — бесполезен. А тот, кто знает достаточно, чтобы помогать, и слишком мало, чтобы выдать, — это искусство. Поехали готовить историю для миссис Гримсон.

Аррон

За год до этого. Сентябрь.

Грохот мотоцикла был слышен издалека — так, как бывает слышно только у тех, кто стесняться рёва своего мотора, или у тех, кто давно перестал это делать. Колёса шуршали по асфальту, воротники курток на парковке вздрагивали, и пара первокурсников проводила мотоцикл взглядом с тем выражением, с каким провожают чужую роскошь.

Водитель заглушил двигатель напротив кампуса, стянул шлем — длинные русые волосы с пробором по середине рассыпались по плечам, — и вытащил из седельной сумки толстую книгу по квантовой физике. В таком сочетании — кожаная жилетка, чёрная футболка с логотипом мотоцикла, потёртые джинсы, тяжёлые сапоги и том Гринштейна — он выглядел как ходячая опечатка. Он этого не оправдывал и не стеснялся: татуировок на нём не было ни одной, и это отличало его от половины парковки. Выделяться надо мозгами, считал Аррон Рид, а не примитивными узорами на коже. И бриться гладко. Борода мешает аэродинамике и с ней жарко. — шутка, которую он рассказывал столько раз, что она успела стать правдой.

Он уткнулся в книгу ещё за тридцать метров до угла. Так и случилось столкновение — потому что Лора Фергюс не смотрела туда куда шла, так же как и Аррон, он читал на ходу.

Момент, столкновение. Учебники посыпались. Лора плюхнулся на пятую точку. Извиняясь, он поднял её тетради, затем её саму — одной рукой, как будто она ничего не весила, — и начал собирать остальные вещи, всё ещё придерживая книгу под мышкой.

— Ты вообще смотрел, куда идёшь? — сказала Лора, отряхиваясь.

— Не смотрел, читал, — честно ответил Арон.

Кристина и Салли, с которыми она как раз шла к аудитории, похихикали в голос.

— Кажется наша Лора пошатнулась, — в пол голоса констатировала Салли и щёлкнула жвачкой.

— Он как скала, — прошептала, соглашась, Кристина.

Арон выпрямился во весь свой рост — широкоплечий, сероглазый, с волевым подбородком, на котором белел небольшой шрам, — и посмотрел на троих с искренним, чуть рассеянным любопытством человека, который вычисляет, сколько времени потеряет на этот разговор.

— Шрам заработал на гонках? — спросила Салли, показав пальцем на подбородок.

— На лабораторной, — сказал Аррон. — Стеклянная трубка. Не спрашивайте.

Легенду о золотых шахтах Голдсмита они впервые услышали в закусочной у заправки, где официантка со стажем в тридцать лет рассказывала её каждому, кто интересовался историями о городе или городских мифов.

— Говорят, золото откопали ещё до той войны — ну, знаете, до Великой. Ещё когда по главной улице на лошадях ездили, а не на этих ваших электросамокатах. Теперь тут только старые камни помнят, где жила та лихорадка. А потом — обвал. Погибли люди, шахту закрыли, посёлок разъехался. Но золото, из земли не выкрадешь. Поговаривают оно до сих пор там. И старики шепчут: в лунные ночи над шахтами ходит огонёк — это погибший шахтёр ищет свою жилу.

Никто в команде в огонёк не верил. Но фраза «золото до сих пор там» действовала на Лору сильнее любого огонька.

Ничего снимать они тогда не планировали — проект ещё не родился, существовала только привычка: узнавать тайны города, в котором, как выяснилось, тайн было больше, чем жителей верящих в легенды. Было решенно поехать и посмотреть. Просто днём. Просто на машине Кристины.

До шахт добрались к закату. Ржавая ограда, таблички с предупреждающими знаками — «опасная зона», «не входить», — и старый сарай у подножия холма, похожий на тощего зверя, забывшего, зачем он здесь стоит.

И тогда из-за холма донёсся грохот моторов.

Девушки переглянулись. Салли среагировала первой — всегда первой, — и они нырнули в сарай, присев за грудой гнилых досок. Через минуту по пыльной дороге прокатились четыре мотоцикла и грузовик с затемнёнными стёклами. Байкеры слезли, никого не обсуждая, — и это было страннее всего. Люди, которые ничего не говорят друг другу, обычно знают что-то, о чём нельзя говорить.

Они стали выносить из шахты большие деревянные ящики. Тяжёлые — это было видно по тому, как у мужиков напрягались спины и как ящики меняли руки каждые десять метров. Ящики грузили в грузовик.

И в этот момент за спинами девушек хрустнула ветка.

Лора резко обернулась — и, не удержав равновесия на корточках, чуть не завалилась вперёд. Кристина успела схватить её за рукав.

— Два — ноль, — прошептала Салли, щёлкнув жвачкой.

Перед ними стоял Аррон Рид. При вечернем свете жилетка на нём сливалась с сумерками, и только волосы ловили последние полосы заката. Он узнал их сразу — все три пары глаз, все три застывших силуэта. Хотя девушки были одеты во всё чёрное

— Мы как-то слишком часто стали встречаться, — тихо произнесла Кристина, будто сама удивилась этому совпадению. — Не находите, мистер Рид?

Аррон не улыбнулся.

— Если продолжите здесь ошиваться, — сказал он шёпотом, но голос был строже, чем в прошлый раз у кампуса, — то не сможете больше ни с кем встретиться. Эти люди не понимают шуток.

Байкеры тем временем продолжали, они грузили ящик за ящиком, из шахты в грузовик.

— Что в ящиках, Аррон? — поинтересовалась Лора, уже не пытаясь шутить.

— То, что вам не положено знать, — ответил он. — Если вы сейчас же не уберётесь отсюда, то даже я вам не смогу помочь.

Он указал в противоположном от шахт направлении — коротко, как жест, который он проделывал не раз. Девушки нехотя пригнулись ниже и ушли за кустарник, а потом, в темноте, добрались до машины Кристины — по дороге, которую Аррон, видимо, знал лучше, чем они.

Мотор завели не сразу. Долго сидели молча, глядя, как вдали, у холма, грузовик тронулся, а за ним и байкеры растворившись в темноте.

— Он их знает, — сказала наконец Кристина.

— Он один из них, — сказала Салли и перестала жевать.

— Нет, — возразила Лора, отряхивая колени. — Он нас предупредил. Свои не предупреждают чужих.

До города доехали молча. И молча же разошлись по комнатам — у каждого был свой потолок, под которым всю ночь крутились одни и те же мысли про деревянные ящики.

Рассказать шерифу никто не решился. И Лора сделала правильно, что не решилась: через неделю группа байкеров уехала из округа так же неслышно, как появилась, — ящиков больше никто не видел. Расследование не началось, история не получила широкой оглазки, а легенда о золотых шахтах не получила развитте, о которой бы написали в газетах.

Но шериф Фергюс была шерифом не первый год. За неделю до отъезда байкеров кто-то из её помощников записал в сводке: «обнаружение трёх несовершеннолетних... нет, извините, двух совершеннолетних и одной несовершеннолетней — в районе заброшенных шахт, на Хексман Роуд, в 9:40 после полудня, были замечены три девушки, одна из них по описанию походила на её дочь, и успевшие покинуть место до приезда патруля».

Сводку шериф читала дольше, чем обычно. И с тех пор за Лорой стало возможно следить.

Лора уже минут двадцать сидела в кабинете своей матери, в офисе шерифа. От скуки она встала со стула и стала расхаживать по кабинету, изображая свою мать: жестикулируя, подражая её голосу, разговаривала сама с собой.

— Ты понимаешь, куда вы влезли? Нет, ты не понимаешь. Что было, если бы они вас поймали, а?

Лора так увлеклась этой игрой, что не заметила, как за её спиной открылась дверь. Она ещё какое-то время размахивала руками, подражая голосу матери, пока не повернулась лицом к двери — и тут замерла.

В комнате стоял мужчина в такой же униформе, как у всех работников офиса шерифа. Лора смотрела на него широко раскрытыми глазами с ног до головы. И когда её взгляд упал на лицо, она поняла: перед ней Аррон. Тот самый байкер-студент — но теперь в форме помощника шерифа, с волосами, собранными в хвост. А над значком, где обычно красовалась табличка с фамилией сотрудника, была другая фамилия.

Гувер.

Аррон проследил за её взглядом. И чуть улыбнулся.

— Хорошо, что в этот раз ты устояла на ногах.

Лора слегка покраснела, но не растерялась.

— А я смотрю, вы, помощник Гувер, — она сделала акцент именно на фамилии, — любите ролевые игры с переодеванием? И сложила руки на груди, приняв оборонительную позу.

Аррон прошёл по кабинету и встал напротив неё, у стола шерифа.

— А вас, юная леди, не учили, что полицейские дела гражданских не касаются?

Он тоже сложил руки, скопировав её позу.

Они какое-то время стояли молча и смотрели друг на друга. Аррон держал под подмышкой тонкую папку с отчётом — очевидно, с ним он сюда и зашёл: оставить документы на подпись.

Так они стояли пока взгляд Аррона не упал на фотографию на столе шерифа: на фото была рыжеволосая девушка немного младше, но в ней угадывались черты стоящей девушки перед ним.

— Она до сих пор держит эту фотографию на столе, — сказал он. — Каждый раз, когда захожу, думаю: сколько лет назад это было.

Лора посмотрела на фото.

— Давно. — почти прошептала она.

— Достаточно давно, чтобы знать: когда она молчит — это хуже, чем когда кричит. А молчит она всё чаще.

Лора медленно выпрямилась. Кусочки встали на место — не все, но достаточно.

— Она показала мне сводку. — Лора прищурилась. — Патруль на Хексман Роуд... Они приехали, потому что кто-то позвонил. Ты позвонил?

Аррон не ответил. Он подошёл к окну, посмотрел на парковку перед зданием — спокойно, без спешки человека, которого только что поймали за руку.

— Патрули ездят по многим причинам, — сказал он наконец. — Иногда — по сводкам. Иногда — потому что кто-то в нужный момент оказался в нужном месте.

— То есть «да».

— То есть, — он повернулся к ней, — тебе повезло дважды, Фергюс. Третий раз может не повезти. Люди, которых вы тогда видели, уехали, но не исчезли. Дела, которые они вели здесь, никуда не делись — они просто теперь...

Он не договорил. Понимая, что если продолжит то втянет её ещё глубже. А если она хоть чуточку похожа на свою мать то молчание заставит её копать ещё дальше.

Поэтому он решил так: сказать меньше, чем знал, но больше, чем должен был.

— Если в этом городе ты с подружками услышишь слово «тайна» — сначала сообщи мне. Или своей матери. А не в закусочную у заправки.

— Откуда ты знаешь про закусочную?

— Я знаю про этот город всё, — сказал Аррон без всякой гордости, как констатируют погоду. — Это часть моей работы.

Лора смотрела на него долго. Потом поправила несуществующий значок на своей футболке:

— Так точно, помощник Гувер.

Уже у двери она остановилась.

— Тогда, в колледже, — вдруг произнесла она.

— Что в колледже? — переспросил Аррон.

— Ну... учебник, по квантовой физике, тоже был прикрытием?

Спросить хотела совсем другое — она ещё с первой встречи положила на него глаз, и вопрос про учебник был просто самым безопасным способом спросить о чём либо. Аррон ответил не сразу. Как бы взвешивая, стоит ли рассказывать.

— Книга настоящая, — сказал он. — Я и правда её читал. Читаю до сих пор. Это лучшая часть легенды — та, что правда. Байкер с томом по квантовой физике — таких не бывает, поэтому никто и не смотрит серьёзно. — Он чуть усмехнулся. — Студент, который ходит с книгой под мышкой — тоже часть прикрытия.

— Значит, в колледже ты был... на работе?

— В колледже я был студентом, — сказал Аррон. — Это всё, что тебе нужно знать.

— А что ты не сказал?

— То, что тебе знать не нужно, — он кивнул на дверь. — Иди, Фергюс. Твоя мать вернётся через десять минут, а мне ещё отчёт писать.

Лора вышла в коридор и только там поняла, что так и не узнала главного. Он не ответил ровно ни на один её вопрос — и не соврал ни разу. Он не сказал ничего лишнего. Так умеет только тот, кто привык взвешивать каждое слово.

А в кабинете Аррон ещё минуту смотрел на фотографию рыжеволосой девочки на столе шерифа. Потом одёрнул форму, поправил табличку «Гувер» и вышел следом — уже другим коридором, уже другим человеком.

Девушки сидели в кафе «У Морти» — бурно обсуждая очередную городскую легенду.

— ...Если бы эта история была правдой, — рассуждала Кристина, — по ней давно бы сняли кино. С подписью «основано на реальных событиях».

Щелчок жвачки Салли прозвучал громче.

— Ты просто не понимаешь всех деталей, — сказала она, указывая на карту, разложенную на столе. — Здесь, в городской ратуше, в конце позапрошлого века, тогдашний глава города прятал сокровища.

— То есть ты хочешь сказать, — вмешалась Лора, — что где-то в ратуше или её окрестностях есть клад, который до сих пор никто не нашёл?

— Об этом говорю не я, а дневник священника. Точнее, то, что от него осталось, — Салли открыла на планшете фото пожелтевшей страницы и указала пальцем в середину текста. — Смотрите. Здесь написано...

Она набрала воздуха и прочитала:

— «Я старался не судить, помня, что осуждение — не молитва. Но слух ползёт по улицам, как дым: в ратуше спрятаны ценности, и тот, кто громче всех говорит о нуждах города, ближе всех к сундуку. Пусть слово моё будет не обвинением, а призывом к совести. Да простит мне Бог эти слова».

Когда она закончила читать, звякнул колокольчик над дверью.

Девушки обернулись. В дверях стоял Аррон — в своей привычной одежде. Кожаная жилетка, чёрная футболка, сапоги.

Заметив их, он направился в их сторону. Рука Кристины крепко ухватилась за спинку стула Лоры.

— Я тебя держу, — улыбаясь, произнесла она.

Салли засмеялась и чуть не упала со стула. Лора только закатила глаза.

Лора рассказала девушкам всё ещё неделю назад — про офис шерифа, про форму, про фамилию «Гувер». И про то, что образ байкера — прикрытие, которое лучше не разрушать. С тех пор у них появилась коллективная обязанность: сидеть в его присутствии так, будто между ними ничего не было. Получалось у троих по-разному. У Салли — хуже всех.

— Какой сюрприз, — произнёс Аррон. — Три главных исследователя городских легенд опять что-то затевают.

Он наклонился над их столиком, быстро подмечая детали: карту, планшет, указательный палец Салли, который ещё не успел отлипнуть от экрана. Именно потому что они знали, чем занимается Аррон, прятать от него содержимое стола было бессмысленно. Он всё равно увидел бы. Он, наверное, уже увидел.

— Расследование, — уточнила Кристина. — Мы расследуем. В максимально легальной форме.

— Не сгущай, — сказала Лора. — Мы просто пьём кофе. Кофе и легенды — совместимы.

— Кофе я тоже пью, — сказал Аррон и, никого не спросив, подвинул стул от соседнего столика. Сел. — Значит, легенды. Какие на этот раз? Опять огонёк над шахтами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.